

СМЕНА

№ 12 июнь 1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ОЛЬГА ЧЕТВЕРИКОВА —
УЧАСТНИЦА
ВСЕСОЮЗНОГО КОНКУРСА
МОЛОДЫХ МАЛЯРОВ

**Генеральному секретарю ЦК КПСС
товарищу
Леониду Ильичу БРЕЖНЕВУ**

«С БОЛЬШОЙ РАДОСТЬЮ И ЭНТУЗИАЗМОМ ВСТРЕТИЛИ КОМСОМОЛ, СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ, МИРОВОЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ МОЛОДЕЖНОЕ ДВИЖЕНИЕ РЕШЕНИЕ О ПРИСУЖДЕНИИ ВАМ, ДОРОГОЙ ЛЕОНИД ИЛЬИЧ, МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ МИРА. ОТ ИМЕНИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА, СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ МЫ ГОРЯЧО И СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС, НЕСТИГБАЕМОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА-ЛЕНИНЦА, ГЕНЕ-

РАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС, ВЫДАЮЩЕГОСЯ ДЕЯТЕЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ, ПЛАМЕННОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТА, СТРАСТНОГО ПОБОРНИКА МИРА И ДРУЖБЫ МЕЖДУ НАРОДАМИ, С ЭТОЙ ВЫСОКОЙ И ПОЧЕТНОЙ НАГРАДОЙ...»

Из приветственного письма
Центрального Комитета ВЛКСМ

Л. И. БРЕЖНЕВ В ПАРИЖЕ. УЛИЦА МАРИ-РОЗ. В ЭТОМ ДОМЕ — МУЗЕЙ-КВАРТИРА В. И. ЛЕНИНА.

ВАРШАВА. ВСТРЕЧА В АЭРОПОРТУ.

БОНН. Л. И. БРЕЖНЕВ В ВЕДОМСТВЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО КАНЦЛЕРА ФРГ В. БРАНДТА.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 12 [1108]
ИЮЛЬ
1973

НАША ОБЛОЖКА:
ОЛЬГА ЧЕТВЕРКОВА,
ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА
МОЛОДЫХ МАЛДЯРОВ
КРИТИКИ.

Фото
Мирослава МУРАЗОВА

РЕПОРТАЖ «СЧАСТЛИВАЯ
КИСТЬ» ЧИТАЙТЕ НА СТРА-
НИЦАХ 24—25.

1

МАРШРУТЫ БЕССМЕРТИЯ.
ПАРТИЗАНСКАЯ ПОЛЯНА.

8

РАССКАЗ Руслана КУТУЯ
«БЕЛЫЕ НОЧИ».

16

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
СВАНЕТИЯ.

24

СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ —
ЮНОМУ ПОКОЛЕНИЮ
ВЬЕТНАМА.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«ГАЗ» ОСТАЕТСЯ ФЛАГМАНОМ.
БЕСЕДА С ГЕНЕРАЛЬНЫМ ДИРЕКТОРОМ
ОБЪЕДИНЕНИЯ «АВТОГАЗ» И. И. КИСЕЛЕВЫМ

ЮНОСТЬ ОБЛИЧАЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ

ЗЕРНО К ЗЕРНУ. КУБАНСКИЙ РЕПОРТАЖ

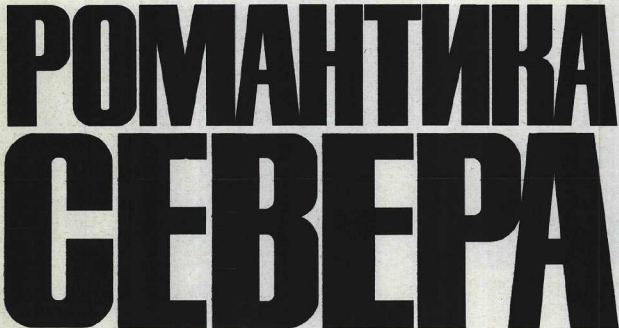
К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА МАЯКОВСКОГО

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕКТИВА:
В. С. Абашишвили, Г. П. Елисеев, А. П. Кулецов, А. А. Ляпин
(ответственный секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного
редактора), В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябинов,
Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник),
Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевич

Художник Г. С. Терзизабянц Технический редактор Н. И. Будкина

Год решающий, ударный!

Соревнование требует, учит, воодушевляет

Андрей СЕРЕДИН,
первый секретарь Магаданского
обкома ВЛКСМ

От Магадана до Москвы — двенадцать часов полета. Современная турбовинтовая авиация еще отвечает от солнца, которое начинает свой путь у нас, на Чукотке, и через восемь часов приходит в столицу. Через восемь — это если считать от Магадана. В Улене солнце появляется еще еще на два часа раньше.

Короче говоря, рабочий день страны начинается у нас, в Магаданской области. И в таком случае о делах, об итогах этого рабочего дня нас надо спрашивать первыми. А рабочий день Магаданской области, рабочий день Чукотки и Колымы — это прежде всего золото, это олово и ртуть, это Билбиинская стоманная элекростанция, самая северная, самая морозостойчивая в стране, это многие километры, пройденные наступающими со стадами оленей в бескрайней Чукотской тундре, это Колымская ГЭС, это нелегкий труд рыбаков и охотников.

Вот написал «нелегкий труд» и остановился — а верно ли? То есть верно ли выделять именно охотников и рыбаков? А как же геологи? Горняки? Оленеводы? Полные перечни! Да и нет смысла продвигать список: все профессии Севера трудны одинаково. И, конечно, в этом «знамя самого Севера. Я не случайно поставил в заголовке слово «знамя». Север всегда привлекал людей именно трудностями. Даже словосочетание такое появилось когда-то: «романтика трудовой, романтика Севера». А любят романтику преимуще-

ственно молодые люди. И я не ошибусь, если назову наш северный край молодежным: в этом году численность областной комсомольской организации выросла почти до сорочка тысяч человек, объединенных в 777 организаций. Иными словами, комсомольцы и молодежь, работающие в народном хозяйстве области, составляют сейчас значительную часть трудящихся коллективов. И от того, как они работают, во многом зависит итог любого рабочего дня.

Решения декабрьского (1972 г.) Пленума ЦК КПСС наделили всех трудящихся, комсомол и молодежь на борьбу за безусловное выполнение народнохозяйственного плана третьего года девятой пятилетки. Задачи, выдвинутые партией, с воодушевлением приняты и на Всесоюзном комсомольском собрании «Ударным трудом и отличной учебой ознаменует решающий год пятилетки», на котором выступило более шести тысяч комсомольцев области. И говорили они не только о том, что сделали, но и о том, что надо сделать каждой организации, каждой группе, каждому комсомольцу.

Комсомольцы принесли «Красноармейский» Чукотский район «Ударным трудом и отличной учебой ознаменует решающий год пятилетки» с призывом выполнить план 1973 года на двадцать дней раньше срока. Молодежь фермы опытно-производственного хозяйства в поселке Ола обязалась выполнить план по надою молока на 105 процентов. Причем надою молока на одну ферму надою корову в области не меньше, а в некоторых хозяйствах даже

больше, чем в центральных районах страны. Учить, это в условиях Севера! Молодежные коллективы Анатолия Мускуно из треста «Магадангорстрой» и Михаила Крижанского из стройуправления Суусунского района области справились с заданиями девятой пятилетки в четыре года.

Кстати, о строительстве на Севере. Возьмите, например, Певек — город-порт на Северном Ледовитом океане, центр Чукотского района на Чукотке. Морозы там, как и везде у нас: выше тридцати градусов ртутный столбик в термометре поднимается редко. А два-три раза в зиму приходит в город мороз — теплый ветер с юга, из-за сопки. Впрочем, выбирайте что хотите! Обычная скорость «южняка» — сорок — глыбист метров в секунду. Ветер срывает ветви, вывески, крыши с домов, заморачивает столбы электропередач, по улице не то что идти — в раздеходе ехать невозможно. Казалось бы, кто захочет в такой «аду! Но в Певек молодежь приезжает ежегодно: городу очень нужны рабочие руки — в горнодобывающей промышленности, на рудниках и приисках, в порту на строительстве. И Певек строится. Работники многоэтажные дома, а архитекторы планируют их так, чтобы «южанин» не был страшен. И как приятно всем нам читать заметки (не только в области, но и в центральных газетах) о том, что строители Певека сдали горожанам очередную многоквартирную жилую дом.

Повышенные обязательства берут на себя все комсомольско-молодеж-

ные коллективы. Конечно, надусы скептики, которые скажут: «Повышать можно что угодно, а вот как это на практике получится — еще посмотреть надо. Согласен, обещание обещание рознь. Но все-таки в этом, как показывает опыт прошлых лет, комсомольцы Севера умеют держать слово.

Лучше всего убеждают цифры. Вот они...

В прошлом году комсомольско-молодежный коллектив Юрия Миллаева с прииска «Ударник» обещал дать стране 50 процентов сверхпланового золота, сократить сроки промывки песков. Результаты: план по добыче золота выполнен на 242,6 процента, по промывке песков — на 195 процентов.

Инициатор соревнования молодежных коллективов в Чауском районе комсомольско-молодежная бригада Виктора Илчука выполнила план промывки за 27 дней раньше срока, указанного в принятых ими — тоже повышенный — социалистических обязательствах.

Комсомольско-молодежная бригада Артура Ипотова с карьера «Дегрин» обязалась выполнить план 1972 года к 15 августа и дала Родина не менее 30 процентов сверхпланового золота. План был выполнен на 156 процентов!

Потребуется не одна страница, чтобы только перечислить трудовые победы комсомольцев. Все они — результат напряженного соревнования между комсомольско-молодежными коллективами горных предприятий области, добывающих золото и олово. Соревнование это в минувшем году объявил бюро Магаданского обкома ВЛКСМ, президенту обкома профессора рабочих металлургической промышленности и союзного производственного ордена Трудового Красного Знамени объединение «Свердловскооленит». В этом году соревнование продолжается. И, покажу, оно доказывает, что комсомол может и должен активно влиять на повышение производительности труда, на улучшение качества продукции, на эффективность производства, на выполнение общих планов предприятий.

Все это не только в горнодобывающей промышленности. В области продолжается соревнование под девизом «Мы делу Ленина и партии верны». В нем участвуют комсомольцы всех отраслей промышленности: почин красноярцев «От каждого — наивысшую производительность труда и отличное качество» стал чемпионом в соревнованиях по ремонту в постановлении VIII Пленума ЦК ВЛКСМ «О задачах комсомола, выполняющих из решений декабрьского пленума ЦК КПСС» товарища Л. И. Брежнева «О пятидесятилетия Союза Советских Социалистических Республик» обращается особое внимание на спорт и красноречие, и москвичей, и ленинградцев, и томичей, и комсомольцев других краев и областей страны. «Комсомольские организации», сказано в постановлении, должны воспитывать молодых рабочих, колхозников, специалистов и ученых на неуклонное повышение производительности труда, повышение фактора развития экономики.

Опыт работы — а сейчас говорю лишь о нашем опыте — показывает нам, что комсомольско-молодежные коллективы — это не просто «рабочий» — настоящей школой коммунистического воспитания молодых. Но становится лишь тогда, когда точно продуман их состав, когда руководит ими опытные, грамотные и, главное, заинтересованные люди (мы сегодня с уважением проносим имена Виктора Шульгина, Юрия Миллаева, Алек-

сандра Шепелева, Ивана Куртова и других, кто стал не только производственным руководителем, но и творца, но и настоящих наставником молодежи), когда перед каждой такой бригадой стоит конкретная задача (которую, как правило, можно исчислить в кубометрах, килограммах, рублях), когда коллектив понимает, что соревнование не формальное (не соревнование за грамоты, а явление, наполненное огромным социальным смыслом, когда каждый знает своего соперника, знает его показатели, может сравнить со своим передаточным парадоксом опыта — на протяжении каждой недели, даже каждой недели).

Однако, увы, бывает, что «голоса в плане» оказывается сильнее своего сильного дела. И носители молско-молодежной коллектива создаются одним расчерком пера (да из отчета в райком или обком). А на поверку оказывается, что коллектив этот не знает толком, с кем соревнуется, кому передать или у кого позаимствовать опыт. Более того, только раз в год в такой бригаде молодежь составляет меньшинство. Совершенно очевидно, что в подобных случаях красивые названия недели не нравятся на ее показателях. Какое уж тут соревнование!

Вобщем же форма соревнования, конкурса очень популярна у молодежи. Если хотите, опишите это на сцене азарта молодежи — именно этот азарт, можно объяснить психологическую основу такой популярности. Ну, в самих конкурсах (бюджетно, на уровне лучшего по профессии) приносит немало — и олять-тако реально! — пользу. Недавно мы проводили на Всесоюзной олимпиаде комсомольской молодежи Билбинской атомной электростанции областной конкурс молодых структур. Что он дал? Во-первых, поощрительные грамоты, во-вторых, конкурс составил в среднем 115 процентов. Во-вторых, за короткое время (самого месяца) соревнованиям оштрафовано более полутора тысяч квадратных метров площади. Иными словами, оказана заметная помощь стране.

Но значения конкурсов не исчерпываются той конкретикой, измеримой пользой, которую они приносят. Ценность всякого грамотно организованного соревнования заключается в том, что оно учит молодежь к серьезному подходу к своей работе, воспитывает вкус к профессии, вырабатывает мастерство.

Вкус к профессии, любовь к профессии — это и не главный для любого специалиста. Будь он инженер или строителем, рыбак или оленеводом? Но вот ведь что, к сожалению, не бывает: молодежь около идет на прииск и рудник, а в сельском хозяйстве молодых рук часто не хватает. Вопрос «как привлечь молодежь в сельхоз» стоит довольно остро не только в нашей области. Широкая общность проблемы несколько не снимает с нас ответственности: мы плохо еще занимаемся привлечением молодежи в сельское хозяйство как в оленеводческих бригадах не хватает более двухсот пастухов — цифра немалая! И надо сказать, что в оленеводстве комсомольско-молодежные бригады — одна из возможностей решить на более широкую проблему. Сейчас в области более пятидесяти молодежных бригад, в большинстве успешно справляются со взятыми обязательствами. Молодежь нечасто возвращается в колхозы. Это происходит в основном из-за отсутствия областного комитета ВЛКСМ выступил пастуху из совхоза «Юльинский» чучка Михаил Гивылин. Этот парень окончил профтехучилище, работал в Андриде структуром, мела-

ром. Он мне сам тогда рассказывал: «Маленький бы, город — это кино, дом культуры, артисты приезжают, книги, газеты сегодняшняя, а не когда попутный вертолет привезет. И все-таки домой хотелось, в тундру». И все-таки родился там. И тундра превратилась в город. Миша вернулся в родной поселок Шелангский, пришел в оленеводческую бригаду. Сейчас Михаил Гивылин — бригадир оленеводческого сельского хозяйства района, а нынешней зимой в его жизни произошло большое событие: он стал кандидатом в члены КПСС. И сейчас процесс возвращения молодых в колхозы и совхозы области проходит медленно, хотя областной, окружной и районные комитеты ВЛКСМ уделяют этому все больше и больше внимания, пахнут у том, что комсомоловство — удивное дело комсомола».

По инициативе Юльского райкома ВЛКСМ проведено областное социальное соревнование среди районных организаций по заготовке кормов. В нем участвовало более четырех тысяч юношей и девушек. И, конечно же, в нем участвовали были и нашего переполнены.

Сегодня молодой животновод — это не просто пастух, превосходно знающий, скажем, повадки и привычки оленей (а оленеводство в области — главная отрасль сельского хозяйства). Юноши, окончившие профессионально-технические училища и вернувшиеся в тундру (такие, как Михаил Гивылин), прекрасно разбираются в радиодель, умеют выехать вездеходом и автомобилем, способны на техническое творчество.

Кстати, научно-техническое творчество — величайшая возможность для молодого специалиста глубже освоить свою профессию, выбрать одну из областей и навсегда. В прошлом году в областном смотре научно-технического творчества молодежи участвовало свыше 4 тысяч молодых рационализаторов, изобретателей, исследователей. За этот период ими было подано 1 960 рационализаторских предложений, из которых более полутора тысяч внедрено в производство. А экономический эффект — 2 132 000 рублей!

Большое значение в творческом поиске имеет обобщение и распространение опыта рационализаторской работы. Например, комсомолец прииска «Комсомольский» Юрий Паваню предложил изменить технологический процесс лесоизготовления. Экономическая эффективность его проекта — 2 233 рубля. Сейчас по рекомендации Чаунского РК ВЛКСМ предложение Юрия Паваню успешно внедряется на прииска области.

Соревнование коллективов в промышленности и сельском хозяйстве — это не только название, слово «кто кого!». Обязательные для любого соревнования вопросы «кто больше», «кто лучше», «кто быстрее?» дополнены новыми: «как больше», «как лучше», «как быстрее?» То есть соревнование побуждает молодежь «творить, выдумывать, пробовать», а значит, стимулирует формирование инициативы и рационализаторской работы.

В докладе на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР посвященном 25-летию образования Союза Советских Социалистических Республик, товарищ Л. И. Брежнев говорил, что главное сейчас — это создание системы сплоченности, единства, решающего года пятилетия, но и превратить их, создать задатки на будущее. Эта цель была достигнута в разном из различных годов (1973 г.) Пленумом ЦК КПСС. И все, что сегодня делает комсомол страны, в том числе и магадзинские комсомольцы, направлено на решение поставленной партии задачи.

Павел БОГДАНОВ

КРЕСЛО ИЗОТОВА

Я выдвинул царские пыльные троны, Кресла Людовиков многих веков. Их украсили гербы и короны, Книжные головы львов и орлов. В разбеге, в жемчужках, в позолоте, В помпезной пышности и сруине... Но видел я кресло Никиты Изотова — не в музейном зале, а в тундре. Он сидел на нем в годы тридцатых В Горловке — городе горняков. Оно возвышалось в центре театра Выше всех кресел партнеров рядов. Бархатом красным обито добротно, Оно возвысилось, Как пьедестал! Его занимал весь Никита Изотов, Когда на светлавах в театре баял. Мне его громоздко гордо: На весь Доббас и на всю страну. Он не только побил всех рекорды, Давал тридцать норм за смену одну! За это ему —

Мой особое кресло Воздвиги в театре. Навмио, поеди!

Он сам отослал к зате той весело. — Ну, что вы, ребята! — смущенно твердил.

Навмио, покажу! Но все же, но все же Я помню — овецей зал запылял, Когда наш шатер, а не царь,

На кресле возвышенном восседал, Изотова, Стаханова. За ними — тысячи, Итог — миллионы горных трудя. И на скрижалях ихтыры высечен Подарил рабочий их Никите! Где кресло Изотова? Неизвестно, А было б непохож на —

да в музей Поставить его на почетное место, Превыше всех тронов царей, королей Величества всея и высочества! Неа не чернаты бы и надпис на нем! Не на восседал всея владимир авладима Рабочий, трудящийся человек.

БАЙРЫСТАНОВ

У нечи стонет горной Байрыстанов. Сын батрака, оленой металлург. Отец ментал, чей степь Казахстана Вода оросила, прорезал путь.

Нын в расклевую тень взгляда: Озеро пламени пышет бурля. Тонкий миллион лет назад Выха расклевана наша земля. Ученю исключены арианы В огненных брызгах, казах-металлург, А по степи, Считается дикой, Струится вода и прорезал плуг.

МОЛОДОЕ

Знак весны — домой вернуться птица. И в полях Последний рыхлый снег, Слово затыл, прямой росток пшеницы

Протранни, Вербий весне. И пуская еще нагриват зыма На земный тонкий стебелек — Он не дрогнет, молодой, упругий, Знает, что его сегодня сроби! Будет осень урожайной, хлебной. Вспомни нам заботливо извистий. Молодые, Пробивайся, крепни! Мы тебя в обиду не дадим!

Эли ПЛЕТКОС

ТРЕТИЙ

В ридинкой глубине душ Откровене каждого лежит. Этих откровенен своим Человек любой интеллектуар. Но чья свисте серена, сугуть — В детях снова продолжат путь. Спит дятя. Загадочней, чем финик, Может, прозрачнее, чем Сивит!

Мовет, музыкальнее, чем Бах! Не прочь улыбку на губах. В этом чуде — миллионы лет, Вечных солнц летящий вечно свет, И в нем же — безмерная любовь. Мир тебе... Входи.

Страдай. Живи.

РАЗЫБД

В известной час урочных дат Прядут и перронам поезда. Из ств — На правый маршрут Их точно стрелки приваду. Не стья стальная колея, Не то мямя, не то дразны. И ни мне — вперед, Но стравен лет... Вагоны дыны, Вагоны лет, Вагоны лет, Летат, сбиваясь, под откос. Когда-то, где-то мой вокзал, Мельничку, Незуваным провал Среду запугавших верст. Мельничку — и мет. — Лишь желтые флажки безред Да белый свет.

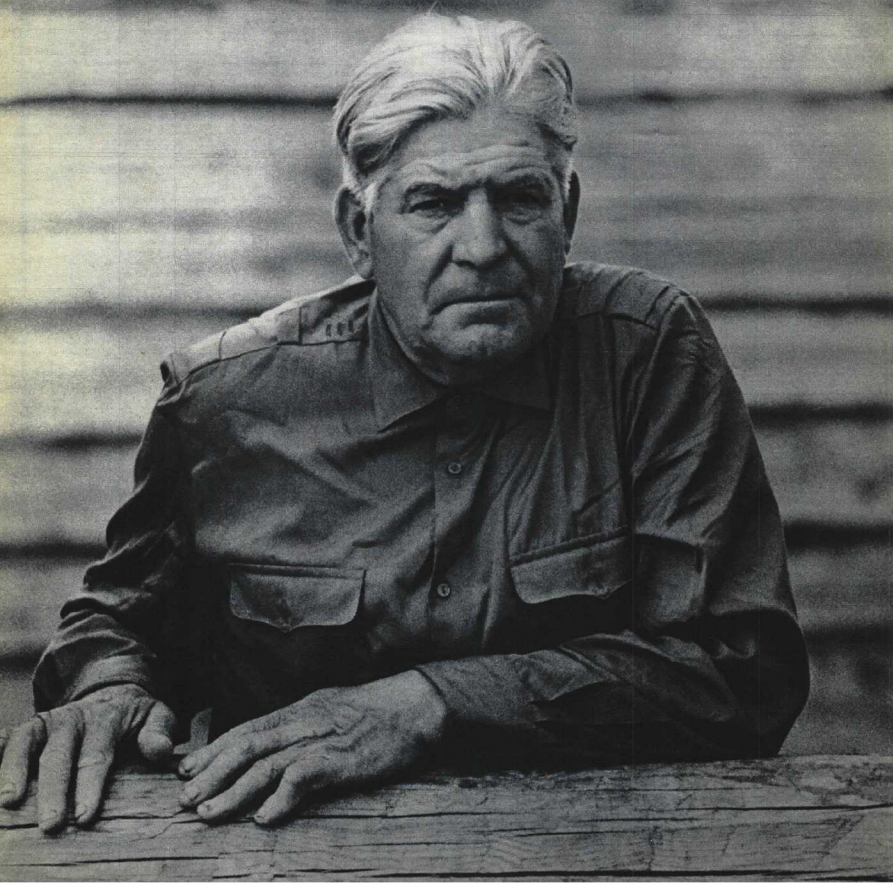
БЕЗЫМЯННЫЕ

Белеют кости умерших берез, Ничком утихнувши в мох зеленеваты, Ничком не прибраши, — они лежат вразброс, Как будто перед нами виноваты, Что жизнь у них сплюснимо протекла, Пока ночью не спаломя бурей, Не доведется стьт доскам в полях Или жва б омерной в гарнитуре... — Действительно! Иной в них людям проки — Как топором, иной ладонью рубку... Как быть может, в том, что помят светлый сок, Как светлым юм — мальчишеские губы! В том, что она бжована вину, И в нем же подострив бжегоствольных, Дарья нам несуюти тыну, Родные песни и братскому застенку, Белеют кости умерших берез.

**НАВСТРЕЧУ
У ВСЕСОЮЗНОМУ СЛЕТУ
УЧАСТНИКОВ ПОХОДА
КОМСОМОЛЬЦЕВ И МОЛОДЕЖИ
ПО МЕСТАМ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ,
БОЕВОЙ
И ТРУДОВОЙ СЛАВЫ
СОВЕТСКОГО НАРОДА.**

ЮНОСТЬ НА ВАХТЕ.

ПАР ЗАПЯТАЯ

ДИМИТРИЙ АФАНАСЬЕВ И
АРТЕМОВ.

Евгений ФЕДОРОВСКИЙ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

Когда мы вместе с Галиной Малышевой из Брянского обкома комсомола и секретарем Фокинского райкома Валерием Гончаренко подъезжали к Партизанской поляне, началась сильная гроза. По потемневшему небу замелькали ослепительные молнии, от тунки ударов грома зыбко дрожала земля.

Машина, расталкивая колесами мутные потоки, поднырнула под молоденькую ольху, согнувшую от тяжести льна, и скоро остановилась перед металлическим барьером. Дальше на Партизанскую поляну надо было идти пешком. Машинам взлетать на нее запрещалось. Это было место, где люди снимали шапки. И земля, заросшая щедрым многогривом, и столетние сосны, и кружковые дубы, и даже скамьики, сложенные из расщепленных пополам бревен, сбегающих в том виде, в каком были тридцать два года назад.

Говорят, и в сарок первом была гроза. Только тогда к грому примешивались звуки канонады. Приближался фронт. И люди, собравшиеся здесь, давали партизанскую клятву на верность Родине. Здесь же они дали первый бой врагу.

...Гроза прошла. Сквозь похолону на уютно тучу прорвалось солнце. Оно осветило двадцатиметровый пилон, нависающий разворащивающиеся под ветром знамя, мраморные плиты с именами павших сыновей Брянщины, карту области с обозначением районов, где и во время оккупации действовала Советская власть.

Немного поодаль от пилон, в лесной чаще, стояли рядом землянки, скопированные с настоящих, прежних. Возле одной из них работали ребята и девушки. Они ставили бетонные сваи, чтобы поддержать бистро разрушающееся дерево и обезопасить экскурсантов, которые непрерывно стекаются сюда со всех сторон.

— Это мемориал строил весь город. Дети и старухи, старые коммунисты и пионеры, ветераны и молодежь. Помогали ребята из тысячи людей, — сказал Валерий Гончаренко и добавил: — И как же нам не беречь эти памятники!

О делах Брянщины комсомолец по военно-патристическому воспитанию, сооружению памятников и сбережению реликвий военного прошлого знает вся страна. Как человек, привыкший к математической логике фантов, Валерий рассказал о том, что делает молодежь лишь одного из районов города — Фокинского.

ЗЕМЛЯНКА ГОВОРИТ О МЛАДШИХ

ПОЛТАНА

— Мы учим ребят на примере героев-землянок. Двадцать седьмую школу, скажем, окончил Вяля Сергеевич Кустов, а Владимир Рябок. Они стали Героями Советского Союза. Сегодня отряды борются за право носить имя каждого из них. Пионеры и школьники-комсомольцы собрали богатый музей, переписываются с родными героев. Сейчас эта школа — лучшая в городе. У нас родилась и стали традиционными такие формы работы, как подготовка младших командиров-юнармейцев. Все школьники — участники «Зарницы» и «Понски». Работает курс по подготовке ребят в военные училища, организуется встреча выпускников с сегодняшними вояками и ветеранами труда и войны. Каждая организация следит за сохранностью тех или иных памятных мест. Одну из землянок на Партизанской поляне сберегают комсомольцы мебельной фабрики, другую — ребята с ГЭС. Каждая организация следит за сохранением постоянной связи с героями-ветеранами, помогает семьям погибших. Мебельщики, к слову, реконструировали Дом инвалидов Отечественной войны. В день Советской Армии комсомольцы шлют письма воякам. Отличники боевой и политической подготовки по согласованию с политотделами награждаются почетными грамотами райкома комсомола, откуда они уходили на службу...

Слушая Валерия, я подумал: ведь сколько родилось, выросло и возмужало людей, кто знает о войне лишь по книгам и фильмам! И бой, и разрушенные деревни, и вагоны, набитые солдатами, и их песни, и та весна на рубеже войны и мира, и старухи, пережившие столько, сколько, кажется, невозможно вытерпеть и пережить, — все это им незнакомо.

Но юность сейчас принимает эстафету памяти от старших. И имя дальше отодвигается от нас война, тем настойчивее возникает желание у старших напомнить о ней, чтобы ничто не было забыто.

Пытать, — это и есть то самое воспоминание. Это и путь к себе, к своим чувствам, к своей готовности пойти на подвиг.

Давно заминли раны, застроились пожарница, перепаханы вражьи могилы, но неизменно осталось в людях то лихорадочное благодарнейшее чувство товарищества, чувство причастности и большим и малым заботам Отечества.

Кто был этот солдат по фамилии Усов? Никто не знает ни адреса его родных, ни места, откуда уходил он на фронт. Но нам в руки попал его солдатский, зрелоголик. В нем были такие слова:

«Родина, прими мой скромный дар для блага твоего... Я умер для того, чтоб ты жила. Я так горячо любил

тебя, Родина, как ненавидел твоих врагов».

Сердцем прикоснувшись к подвигу, мы всегда с волнением будем читать и последние строки из письма бойца Гриншине:

«Жизнь можно закончить двояко, из этой двоякости я отдаю предпочтение тому случаю, который связан с борьбой, который даст шанс на жизнь... Я всегда с гордостью отношусь к славе, но славная жизнь — великая честь человека! Жизнь свою я прожил честно и с честью рядом ее закончил».

Дожди и метели давно размыли окопы, истлели сучковатые наветы землянок, ржавчина съела осколки, от которых когда-то умирали люди. Но не метет да и не вьются еще где-то в лесу на заросший кирпичной окоп, на железобетонную балку дота, найдешь бурый кусок колочей проволоки или рибрситый чехол от ручной гранаты. И тебя охватывает волнение, какое бывает от прикосновения к чему-то великому и вечному.

И, конечно, так же чувствуешь себя юнармейцем в защитных рубашках и краснозвездных пилотках, когда замираешь в почтенном карауле у памятника советским воинам и партизанам в Брянке, у обелиска в лагере партизанского отряда у Круглого озера, у мемориальной стелы в колхозе «Березки» путляковцев, у памятника героям Сединского интернационального подполья или на Партизанской поляне, где объединились первые от-

ряды русские, но сама природа русская не приняла оккупантов фашиста. Вместе с людьми боролись против захватчиков и старые рощи, и глубокие реки, и чарука на болотах, и моряки русской армии...»

В этом рапорте сообщалось, что за время боя с августа 1941 года по октябрь 1943 года партизаны Брянских лесов уничтожили более ста тысяч гитлеровцев, пустили под откос почти тысячу эшелонов и семь бронепоездов, сожгли 120 самолетов, 193 танка, 58 бронемашин, разбили 185 орудий, взяли большие трофеи.

Многих из партизан уже нет в живых. Одни погибли от вражеской пули, другие умерли от старых ран. Остались в живых одиночки, и они вспоминают с гордостью, когда память возвращает их к войне и к тем, кто мог бы еще жить, работать, любить, растить садовой и пахитить янукю.

Дмитрий Афанасьевич Артемов взрывал мосты. Как местного, уроженца деревни Старые Умысличи, из деструктивной армии его перебросили через линию фронта в Первую партизанский Жуковский отряд. Шло наступление гитлеровской группы пулюли «Центр» по линии вернеего течения Дмитрия Бессы. В районе Брянска 2-я полковая армия с приданной ей танковой группировкой Гудериана нанесла удар в направлении Орла. Началась кровавое сражение за Вязьму — последний опорный пункт перед Москвой.

Железнодорожные артерии, питающие фронт, представляли для

мелю. Но не знал Артемов другого: сумеет ли увидеть после того, как вагоны посплывут с насыпи и гитлеровцы поднимут вострую стрельбу, бросится в погоню. Ведь могут достать его, лежащего всего в ста метрах от моста, на том предельном расстоянии, на которое хватало шнур.

Застонали рельсы. Доносил приглушенный лесом короткий свисток немецкого паровоза, подобный сигналу нынешнего дизельного тягача. Колочий шип света вырвался из темноты и потонул в мост. Промчалась дровина. Потом показался поезд — цистерны, вагоны, платформы...

Позднее, когда Артемову все-таки удалось уйти от преследователя, он узнал, сколько погибло финишской техники и солдат, сколько дней гитлеровцы строили новый мост и разбирали состав, так и не дошедший до фронта.

Фашисты расстреляли его семью — жену Марию Дмитриевну, полуторагодовалого сына Мишу и трехлетнюю дочь Надежду. Николай и Илья, дети постарше, чудом остались в живых. С простреленными ногами Николай вылез из-под трупов, разискал семилетнего Мишу и недалеко сошлся с братом по лесам, пока не наткнулся на них отец. Дмитрий Афанасьевич был без оружия. Отобрали друзей. Он уже знал о гибели семьи и в минуту отчаяния хотел сам застрелиться.

Гитлеровский генерал Зигфрид Вестфаль совогал на партизан, нару-

ряды народных мстителей в тот момент, когда над Родиной и Москвой нависла смертельная опасность.

Если время стирает с лица земли военные шрамы в виде окопов и дзотов, то не исчезают памятники на ней. Они не беззащитны. Они укреплены, реплируют в нас сознание своего достоинства и стремление к самоусовестиванию. И в этом заключена огромная сила их воздействия. И поэтому замирают перед ними юные сердца, рожденные много поздней того трудного и героического времени.

Когда Брянский край стал свободным, партизаны рассказали о своих ратных делах.

«Враг думал», — говорилось в их рапорте, — что Брянские леса станут достоянием немцев баронов. Он думал, что наши крестьяне станут батраками в имениях новоявленных помещиков. Он думал, что наши люди забудут великий свободный русский язык. Он думал, что кого кнутом, кого прижимом заставят работать на немецкие эксплуататоров.

Но враг просчитался. Не только

гитлеровцев большую ценность, особенно в лесных и болотистых районах. Каждый маломальский мостик они охраняли усиленным караулом, на два-три километра пути выделяли патруль. И все же партизаны завладевали на этих дорогах настоящие сражения, выводили из строя мосты, разбирали железнодорожные полотна.

Когда Дмитрий Афанасьевич проходит по мосту через Рачу на участке Брянск — Вязьма, невольно вспоминает он, как закладывал здесь мины, тапал шнур, чтобы дернуть его в последний момент перед поездом. Речка была много шире. Это она сейчас обмелела. И не было никаких — его вурбуили немцы.

Вспоминал, а земля, с тревогой прислушивавшая к тугому стуку сердца, он ждал, когда повится состав. Часовой построивал по сторонам и пускал ракету. Его бы можно было снять, но тогда солдаты, которые впереди каждого эшелона проважались на дрезине, подняли бы тревогу. То, что мост взлетит в воздух, он знал. В армии его научили этому ре-

ПАРТИЗАНСКАЯ ПОЛЯНА. ЗДЕСЬ БЫЛА БАЗА ПАРТИЗАН.

ЭТОТ МОНИУМЕНТ ПОСТАВЛЕН В ПАМЯТЬ О ВОДИТЕЛЯХ, ПОГИБШИХ НА ДОРОГАХ ВОИНЫ.

БРЯНЩИНА ПОМИНТ И ЧТИТ ПОДВИГ НАРОДНЫХ МСТИТЕЛЕЙ.

шавших якобы законы войны и Гагские конвенции. Он писал:

«Партизанское движение по своему размаху превзошло все прежнее партизанские действия. Крупные партизанские отряды годами приковывали к себе большие соединения немецкой армии. На обширных территориях России они временами контролировали целые области. Самым пространственным тактическим приемом партизан было нападение из засады. Често они неожиданно перерезали железные дороги и шоссе, по которым шло снабжение. Поэтому приходилось принимать особые меры безопасности... Вот почему при защите наших войск от партизан бывали крайности...»

Бригадная стала поистине классическим партизанским краем. Здесь враг не знал покоя ни ночью, ни днем. Здесь под ногами фашистов горела земля. Здесь в отчаянные схватки вступали народные отряды легендарных Кравцова, Дуки, Ромашина, Сабурова, Бондаренко, Емлютина, космопольского секретаря Владимира Уйбо, чекиста Медведева,

подпольщики Морозовой и многих других.

Музейные экспонаты и бюсты героев, памятки павшим и скромные предметы полугодичного партизанского быта стали сейчас подлинными сокровищами для людей, кому дорога наша многострадальная земля, кому содраз Букиных писал такие взволнованные слова:

«Я воюю более трехсот дней. Я стал воином, суровым человеком. Моя молодость служит делу человечества. Быть может, мне и не удастся вернуться ее, но я верю ее моим младшим братьям, и они будут гордиться тем, кто сражался с врагом в эти воинственные годы. Младшие братья! Вы будете самыми счастливыми людьми, каких знала история... Пусть человек живет по-человечески. Во имя этого мы боремся, во имя этого не шадим жизни».

Память о героическом прошлом свята для молодежи Бригадчик, комсомольцев и конярмейцев. Это они создавали мемориал на Партизанской поляне, Курган бесмертия у Десны, памятник Трем героям — вос-

питанникам школы № 27 в Брянске. Это они расширяют новые имена бойцов-героев, устраивают походы по партизанским тропам, участвуют в военно-спортивных состязаниях, трудом и учебой борются за право носить имена замлыва-героев, работать на станках, на которых трудилась знатные люди. Это они формировали молодежные полки в Малую Тамианскую дивизию, названную в честь прославленной воинской дивизии, где служили и служат много брянцев. Они же строили памятник шоферам-воинам, проважая мимо которого все шоферы сейчас подуют гудки...

Они славят славою прошлое. Они наследники поколений, спасших мир от коричневого безумия.

...Да, камни живут дольше, чем люди. Но именно люди дают бесмертие всему, чего коснется их подвиг. Пройдет много-много лет. Нис сменяет новые поколения. Но всегда к нашим памятникам будут приходить они, вспоминая о героических делах отцов и дедич, защищавших свободу Отечества.

«МАМАЕВ КУРГАН»,

«СМЕНА» № 3, 1973

11 часов. Мне 35 лет. Летом 1972 года во время отпуски и побывав в городе-герое Волгограде. Приехал из далекой Сибири, чтобы пообщаться с плашман защитника Сталинграда, побывать на месте самого высокого напряжения противоборствующих сил.

Все ковские люди знают, что на этом участке фронта с 13 сентября 1942 по 26 января 1943 года были ожесточенные бои. Мамаев курган, господствующая высота города, в дни битвы стал ключевой позицией обороны города. По ночам здесь стояло самое омерзительнейшее сражение. Невозможно подставить одно плечо и не было бы по ирбушено на курган. Известно, что около кургана были установлены стволы отлучили, их осадили взрывы снарядов и бомб. В дни боев здесь много курган чернее, как озугленны.

Посещение Мамаева кургана — это выражение спорной каждого человека о плашман при защите Сталинграда. Чувство глубокой печали охватывает нас в зале воинской славы, где выстуло почетный караул и слышится зауныва Баха. Особенно впечатлительно произвел на меня храм Вечной Славы. Он расположен у подножия горелова кургана. В кирпичной стене высечены фигуры, изображающие торжественное шествие людей разных возрастов и разных национальностей Советского Союза. С менями и знаменами они идут, чтобы отдать долг светлой памяти павшим воинам-героям. Лишь здесь сосредоточены, головы отучены.

Мне кажется, по авторскому замыслу, все эти компоненты, как фон огромной панорамы, как утвержда этической симфонии, подготавливают чувства и настрой души посетителя и осмысленно главной темой памяти. Интонация «Стелет насмерть отлучают слышь трубили ледизы Сталинградской битвы». Кан бы из сагитации, из великой русской раины, поднимается советский ром-богатырь и становится на защиту родного города. Его фигура высечена из мрамора. Мужественно-волево лицо. Мускулы напряжены. Воин-богатырь — это глубоко эмоциональный образ советского народа. С величии Мамаева кургана особенно хорошо виден цветущий город. Побывав в Волгограде, поговещ, как велика сила духа советского народа, как неиссякаема его любовь и Родина. Еще не раз я побываю здесь и детей своих и друзей привезу.

А. МАРКОВ, г. Новокузнецк

Много на Волге бесечно дорож, всегда возмущают плашманьки мест, и одно из них Волгоград. Город, ставший символом бесприворно-

го мужества и героизма советского солдата в борьбе с фашизмом. Все величие вечной памяти о тех, кто навсегда остался лежать на стеленых кручах Волги. Вот легендарные дни Павлова, строиме объяснил на братских могилах, остав земляники приземленные танковые башни на скромных постах.

Чтобы не это уметь, прочувствовать и пережить, стоит открыть тысячи стрел, подобно древним пилигримам, чтобы поклониться этим священным местам. Поклонда обгабренную правду, стеленную землю, все насладимся, пылуемца на тепелогах вверх и вниз по Волге, выхуодит на плашбу, вынужтой, возмущающ чуту память погибших и бросают в глубокие волнские воды цветы.

Е. ИВАНОВ, г. Донецк

Дорогая редакция!

Посылаю вам песню-балладу «Полюбить, помнить», созданную в память о плашман на войне в боях за Родину. Очень хорошо, что в журнале отпечатались раздел под рубрикой «Маршруты бессмертия». Вместе с фотоочерками, стихами, мне кажется, можно поговещ и песни о местах, свих для нашего народа. Был бы рад увидеть свою песню напечатанной в этой рубрике.

Г. ШАПОШНИКОВ, Ладога, Ленинградской обл.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ПАВЛИХИ НА ВОЙНЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ ПЛОЩАДЬ ПАМЯТИ

Слова В. САКОВОНО
Музыка Г. ШАПОШНИКОВА
Музыкальная обработка В. СЕРЕЖНИКОВА

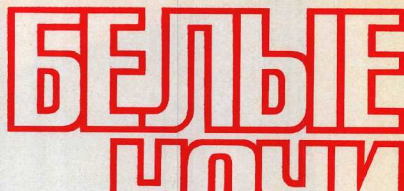
Площадь памяти, площадь памяти, Дездема павшие стучит в аксики. К сирям ивнеча приходит матери, Слезы их, как поветы, горыни.

Пр и п е: И над ними стелт безволновые, Духотатаны в синеве. Как застывшие покорные, Обелсики в честь символы.

Площадь памяти, площадь памяти, На реснидах слезы дождик. Как три аксики, на трон наивне Три голубица верных вояк.

Пр и п е: Площадь памяти, площадь памяти, Тешной ночью и ясным днем Вдураленщ людскую память Мелесчимым своим огнем.

Пр и п е: И над ними стелт безволновые, Отелататаны в синеве. Как застывшие покорные, Обелсики в честь символы.

Рустем КУТУЯ
РАССКАЗ

С урмачом, тяжелое небо лежит над крышами, как сырой, сваленный войлок, и лишь с западной стороны широкая нитка высечена яркой и пронзительно. Дезде непонятно, откуда берется ослепительный свет сред этой серой пустыни белего, невзрачного ветра, по проем небесной пещеры призывно сияет, и на его фоне сверкают и голо торчат черные трубы, похожие на траурных гвоздик, а по проем одного провала все равно от ветранных туч.

Внизу на земае густеет туманот, всплывают фонари. Трамвай на дальней улице бредет по аксикам, словно отбивается от шатающихся теней. Темными точками на белеющем снегу мелькают люди. Как крошечки, мечется на ветру их одежда. Еще далеко и отчетливо видно, однако вот-вот, и какие-то незаметные четверть часа, все будет угадано закрытой чернотой неба и останутся лишь пятна провисающих отлегу ушлим да желтые квадратные окна. Пожельа утолдуо замолкает сады.

А прова небо горит стальным, наполненным светом. И никогда не видела белых ночей, но почему-то именно сейчас хотел бы оказаться под блястачным, как вытерта поверхность тусклого стекла, небом. Мне жальние ничем не объяснимо. Оно проросло внутри меня, точно куст, слыши, услышанным маленькими странными цветам. И я живу им какое-то время.

Отчего-то внезапно мыслю о белых ночах будаждет меня. Что в ней проку, в невероятной скупо осмысленной мое ашшо? Это все ашшо лишь случайное наблюдение, и явнса суета — ну, пусть хотя бы эконоит телефон или поступит в дверь почталка, — оно ашшо потеснит, и останется от белых ночей густка невзрачного тепла, небрежно уроненная с сигареты. Но воображение подучивает ему, и словно тонкий звук, возникает мойлик в груди, как далекая, давно потерянное эхо.

И я прогуливаюсь где-то по набережной Мойки, и со мной происходит удивительно приключенное. Я встречаю девушку. Она уперлась локотками в ограду и смотрит на меня тревожно и тихо. Она похожа на ту бедную девочку, которую привезли в наш дом из блокадного Ленинграда. Я подожду совсем близко, и говорю:

- Тебя зовут Саша. Я знаю.
- Саша, — спокойно соглашается девушка.
- Ты здесь живешь совсем недалеко, правда?
- Конечно. Всего через три дома. Вон и балкон видно.
- У девушки Саша родилась на лесной щеке, а над родинкой узенькой полочкой стелет на глаза, и я не вижу, какого цвета волосы у девушки Саша. Но вот она, словно угадав мое сожаление, поднимает со лба платок, и темная густая волна проливается по ее рукам. Мы почти одного роста, может быть, на ладонь я выше. Над головой Саша бело, уходящее в шквалю небо.
- Ты Саша, — говорю я тихо. — Но ты Саша умерла. Мы ее похоронили.

Еще шел такой свет, и проб накраши одеждом.

- Значит, ты вспоминаешь об этом, не вдало.
- Ты похожа на нее. И я подумал... Разве так бывает?
- Бывает, — говорит девушка Саша.
- И родинка, вот только шрам. Но он мог появиться потом. Она была маленькая и ничего не успела.
- Как долго может помнить человек, — вздыхает девушка Саша.
- Она мне рассказывала про белые ночи и обещала показать, когда кончится война. Рассказывала — но не слово. Их бомбили, и белое небо было черным.

— Вот и наступила белая ночь, — поднимает ко мне шло девушка Саша, и я вижу, что она плачет. Нет, голос у нее ровный, слова острожные, но глаза...

— Я же один раз обделал, а потом думал, что это она из-за меня умирает. Взял и руку себе порезал.

- Зачем?
- Чтобы сделать больно.
- Вот и наступила белая ночь, — повторяет девушка Саша. Я вздрагиваю: до меня доходит, их настоящий глубокий смысл.

— Она никогда не плавала и не жаловалась. Покорная такая. И все говорила: «У вас талант». Находодался в блокаду.

Музыкальная партитура для голоса и фортепиано. Включает ноты для голоса (Soprano) и фортепиано (Piano) с соответствующими текстами песни. Музыка написана в тональности G-бемоль мажор, 4/4 метр.

Рисунок Марии ЛИСОГОРСКОЙ

— Беденькая, — вырывается у девушки Саша. Сейчас ее лицо скорбно и высоко.

— И все же верить, что сдаться можно есть. Мы его мало-мало колади, чтобы кусочек побольше. Возьмет губами и держит, а сама как ежи. Еще жмых любла, я ей принесла помаленьку. И мы смеялись, пока грызли. Чего там было смешного, не знаю, а только она хорошо так смеялась, ей поджимались от удовольствия. Никто не поймал нас со жмыхом, а то бы сильно ругались.

— Трудно ей было. Терпела.

— Еще как. Страдала сильно. Отвернется к стене, а глаза не закрывает. Я сижу на стуле рядом с хрюкотно и не дышу. А потом тихо-тихо скажет: «Тебе без меня скучно будет... Я скоро наверх полечу...» И сидит молчит, уминает, как старушка.

— Походите пойдите же дом.

— Да что там. Может, и жила она, где ты теперь.

— Тогда найдем и пойдим.

Она бегит меня за руку и бежит прямо в белое небо, в просвет приподнявшихся ушей. И мне снова слышится, или девушка Саша произносит едва слышно:

— Вот и наступили белые ночи...

Свет от настольной лампы светит напечатан на пол желтой дужки. Моя тень качается на стене. В коридоре тихо. Соседи гостют. Удивительно, телефон, как черная черепаха, глядит на меня наборным диском и вот уже сколько времени беснадёжно молчит, вечерняя почта тоже не торопится, как будто существуют тайный способ не тревожить меня мелочами жизни, чтобы я мог задуматься на и в никому не расказываем о своих мыслях, они живут только во мне, как постоянный шум леса, к ним медленно приживаюсь, и нужна саншом отверженная тишина, дабы они подошли, как крик к горлу.

Я возвращаюсь к флюгелетому окну балкона. Провла ноба над крышами соседних домов еще светит. Тут же чуть скрывается его спасительную пустоту света. Так ночью стоит синие над затухающим костром...

И я вижу нашу узкую голубую комнату с одним окошком. На ночь оно закрывалось плоской ставней. Вижу дымок со стержнищами малявочными цветами. Его торпидные пружины казались протяжно и красиво. Выходу стою на речных ножках из крепкого дерева с балконом нарисованным солнцем. Мне за это попадаю самым суровым образом, потому что солнце я намалевала несмазанной тушью, обжимая палец в пузатер. Вижу кроватку с певучим упрямим панцирем и на ней гладышную в паточке Сашу. На стене висит истерянный старости коврик. Как раз над Сашей. Она меня спрашивает, поднимая остренький палец:

— А это кто?

— Тысяча и одна ночь, — говорю я взрослыми словами.

— А почему тысяча!

— Вот эта, — и показываю, по своему разумению, на старую женщину, которая курит из длинного мундштука, — рассказывает сказки. А эта, вроде барыня, слушает. Видишь, они никак не может заснуть. Тысячу сказок ей подуть. За одну ночь.

— Хитренькая! — Саша смеется, оставаясь неподвижной, только губы чуть приоткрыты, и сквозь эту щельку звучит ее слабый голос: — А ты умешь рассказывать сказки?

— Не пробовала, — отвечаю я.

— Правда-моя, я Мне будет хорошо. Ты долго-долго думай, чтобы получилось. Зажмурься ночью и пнечи себе. А потом и мне можно.

— Про что хтыть?

— Про везюк, про нас с тобой. Если бы мы стали большими, я бы тебя любил, — загадывалась Саша. — И сказки.

Мне становится жарко от невозможных слов Саша. У меня перед глазами расплываются малявочные преты на обложке диана.

— От кого спасла? — выдаиваваю я.

— От змея, собака и еще есая ты ставнешь раненый. Все бы пуги из тебя вынула. Штудия.

Она хлтит невозможно, хочет, чтобы я подольше сидел около нее, разворчался, а мне наказано строго-настрою Сашу не беспокоить, инаме у нее опять поидет кровь горлом, и тогда она может захлебнуться. Но сейчас вынуждено и дома нет — только мы с Сашей, — и мне стыдно и тяжело оставить ее одну, потому что ей ставит плоду и она примется смотреть в потолок печально-печально, как никто из детей, так ей больно и горячо, и еще я не знаю как, но глаза как будто увеличиваются, и мне кажется, вот-вот оторвутся от Сашинного лица и полетят совсем. И тут, когда я подде, она и смеется лютонью и глядит ладонкой по простыне — пальцы тонкие, розовые, большие. И незаметно трогает ее руку, она улыбается стаяливо, закрывая глаза. Над Сашей словно стоит несомое облачко пара.

— Нас через белую ночь вези. Мы и не спали. Бомбит и бомбит, а тут белая ночь. И свет будто красивый, это мы переступались так.

— Чего такое «белая ночь»? — удивляюсь я.

— Ну, когда ночь и день одинаковые. Света-светло. Вот мы вырастем, и я тебе покажу. Мы же будем гулять всегда. И ты мне преты подарши. Вот белые ночи и наступит. А я тоже в белой платье. Окно нашего дома речка течет.

— Прямо в городе?

— Конечно. И мосты через все камениые. Я тебе все-все покажу...

И сподвигивалась мне пальца больше. Никак нельзя. Щекот Саша порозовела, и она будто не видит и не слышит меня, а говорит сама с собой. И от этого мне страшно. Я бочком-бочком отступаю к двери, не шаруша тишины. А Саша шепчет:

— На мосту стоять хорошо. Над речкой. Из нашего окна мост видно. Я вижу, а там ты стоишь у решетки. Мама говорит, белые ночи спать не дадут. Мы и не будем спать.

Я прикрываю за собой дверь и стою, прижавшись головой к косяку. Теплое дерево ничем не пахнет. Скорей бы пришел кто-нибудь в дом, а то я не выдержу и снова войду к Саше.

— Ушел, — долетает до меня голос. — Мне так одиноко. А он ушел.

Я не успеваю сочинить сказку для Саша и до сих пор не найду оправдания своей детской вульгарности.

Вот и негас острокос свет. Тут же забрасан его сирым хлостом бугающих выюг. Стало совсем темно, глухо, но где-то под сердцем хлостается охотничье синие.

— Вот и наступили белые ночи, — произношу я в пустоту замерзающего окна.

МАСТЕРСКАЯ ШУБИНА

ЧИНТИНСКИЙ РАБОЧИЙ РАДУ!

Сергей СМОРОДИН

Чинтинский ордена «Знак Почета» машиностроительный завод. Цех № 2.

ПРОГРАММА ТЕХНИЧЕСКОГО, ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КОМПЛЕКСНОЙ БРИГАДЫ КОМУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА ИМЕНИ 50-ЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА 1971—1975 ГОДЫ

Нам понятно, что выполнение государственных планов succeeds на успешной работе коллективов, в конечном же счете зависит от практического исполнения дела на рабочем месте, а это зависит от ударного труда каждого из нас. Игнорировать эффективнее и полезнее был наш труд, полнее и всемерно выдвигать в выполнении планов, мы ставим перед собой следующие цели и задачи.

ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ

Главной целью мы считаем дальнейшее повышение производительности труда бригады, оптимизацию рабочего места, воспитание в себе и в своих товарищах по труду идею убежденной борьбы за наши рабочие, коммунистические идеалы.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ

а) Производственная задача состоит в том, чтобы сделать свой труд полезным и эффективным для общества вообще и для коллектива нашего завода в частности. Это значит делать то, что требуется для производства, тогда, когда это надо. Стараться избежать непроизводительных затрат.

б) Экономическая задача состоит в том, чтобы выдвинуть на рабочем месте бригады принципы экономической реформы, то есть такую организацию труда и хозяйственных отношений, которые способствуют получению при наименьших трудовых затратах и наименьших расходах наибольшие конечные результаты работы.

в) Социальная задача состоит в том, чтобы полнее раскрыть потенциальные возможности, заложённые нашим общественным строем, в личной личности для всестороннего его роста. Развивать интерес к знаниям, культуре, общественно полезному труду. Растить и воспитывать на практическом исполнении дела дисциплинированных, квалифицированных кадры, способных активно участвовать в организации своего труда, улучшения его условий и в управлении производством.

НАШИ ПРИНЦИПЫ

Личные, моральные и материальные интересы увязывать через интересы производства. Иерархия нашего труда мы изображаем ИЕРАРХИЧЕСКИМИ РЕЗУЛЬТАТАМИ, а личной выгоду КАМДОГО в конечном результате работы бригады. Наши соизволения в утверждении здоровья психологическое и физическое здоровья бригады коллективный труд и личная ответственность за достижение поставленных целей, товарищество и взаимопомощь, депривность и умеренная шутка.

МЕТОДЫ

Основным методом решения поставленных задач мы изображаем социальное соревнование, направленное на развитие трудовой активности, творческой инициативы и социальной ответственности, придерживаясь следующей структуре его организации:

— программа бригады на пятимесячные (цели и задачи, конкретные сроки и цифры);

— общие организационные обязательства (конкретные мероприятия, сроки, объемы, цифры);

— встречные планы работы бригады на определенный период (поправки, корректировка, годовые социалистические договоры);

— личные планы-обязательства;

— программа соревнования коллективами сменных бригад;

— итоги социалистического соревнования подводятся каждый месяц по следующим показателям: выполнение месячного задания;

— выполнение конспекта отработанных деталей; уровень производительности труда;

— выполнение программы рационализации; трудовая дисциплина.

— ПОБЕДИТЕЛИ. Назначение награды победителя берется за единицу. Навыполнение — 0. Победитель определяется по числу набранных баллов.

1.

Шубин нервничал. Несколько раз в комнату заглядывали домашние. Заглядывали обеспокоенно, и разговор наш на мгновение торопливо вспыхивал. Но только на мгновение. Беседа потом-минутами кончалась, в котором сухие словистые дрова уже прогорели, остались сырые полешки. И ни жары от них, ни пламени.

Потому, видимо, что это было наша первая встреча. Шубин из вежливости еще отвечал на мои вопросы. Отвечал, правда, сухо, односложно, но все же отвечал. Из-за какого-то необъяснимого, скорее всего профессионального упрямства я не прощадся, долго чувствовал, что надо откланяться.

Так мы и сидели. Я задавал вопросы. Шубин отвечал. Слова звучали мертво, падали, как камешки в тупую воду, и чувствовал в себе... Ну, что может чувствовать журналист, когда беседа, которой он ждал, не клеится? Отвечая, Шубин смотрел то на меня, то на серый пустой глаз телевизора. Максимально я тоже поглядывал на экран.

— А что сегодня по телевизору? — спросил я, сам не зная для чего. Шубин оживился. Спокойные темные его руки в шрамах от металла как-то странно выдвинулись, достали как золотым оглоблемкам.

— Так-а-ж... Двадцать сорок пять... Через семь минут...

Я назвал сколько-то серийный детективный фильм, и в голосе его была какая-то мальчишеская радость оттого, что возможность посмотреть детектив все не упущена. Мне стал понятен и явный разговор и связанность движений. Шубин смотрел на меня недоумевающе. Но потом понял, засмеялся сам, и мне стало просто ясно, что Шубин. И мы смеялись уже вместе.

— Понимашь, — говорил Шубин, впервые за весь вечер обращая ко мне на ты, — Мы все семейей это детектив смотрим. Живь, дочь и я. Как начинал с первой серии, так и... Охота узнать, чем кончится. И отвлечает, прямо сказать, здорово. А потом работаете легче. Я, понимашь, такую спираль закрутил...

Я невольно посмотрел на узкий столик, апартаменты поставленный стене, за которым Шубин работал. Владимир Александрович пишет кандидатскую диссертацию о хозяйственном расчете в колхозной бригаде. Читает после того, как отстоит смену за станком. После того, как выполнит многодневные свои общественные обязанности.

Владимир Александрович встал, включил телевизор, позвал жену и дочь, а потом достал из шкафа стола папи.

— Тут дело досю. Мои статьи. И обо мне статьи. Посмотри. Может, пригодятся. Наиболее ценные, пожалуй... Э-э... Вот эти... Э-э... И эти... Он отчеркнул карандашом несколько названий.

Мы попрощались, договорившись встретиться завтра на заводе.

«Шубинское dossier» я читал долго. Начал с «Хрестоматии по истории Чинтинской области». В ней приводится много из его выступлений и краткая биографическая справка. Вот он:

«Шубин В. А. (родился в 1925 году), Герой Социалистического Труда, член КПСС с 1961 года, член Чинтинского машиностроительного завода, заочно окончил физико-математический факультет Чинтинского политехникума, активный рационализатор, ударник коммунистического труда. По его инициативе развернулось широкое движение за повышение производительности расходом. В восстановлении горювета ему присвоено звание почетного гражданина города Чить».

«Исторический человек» — писал о Шубине один чинтинский журналист...

Мы ходили по заводу, и Владимир Александрович рассказывал. Не так, как вчера: сквозно, сухо и заданно, — а живо, горячо, сердясь, негодую, ни различая, проверяя свои выводы еще раз. Говорит Владимир Александрович несколько кино, чудясь раскиснув. Так в свое время, как-то, говорил ослепший учитель, агроном — с огромным уважением к знанию, которое несла книга. Я сказал об этом Шубину. «Точно», — согласился он. — Отец у меня учитель. И говорил по-моему. Отец не собирался учительствовать. Хотел на машиниста выучиться. В начале двадцатых годов отец — в комсомоле был — сказали ему: «Поезжай в деревню. Читать, писать можешь. Учй деревню коммунистической грамотности. Такое тебе задание от вчебы. Попадй. Стан отец учителем. На всю жизнь. А дед и прадед наши были кузнецкими...»

Потом, вспоминая вволю, Шубин сказал: «Наглядился я равного металлу». Но как! А мирную стель, стель, и тридцать лет только учидел.

Представте себе: ушел на фронт мальчишка. После десятого класса. Май сорок пятого, оставил Шубина в авиации. Даво смену готовил. Потом годы — годы «холодной войны». Классные специальности сильно нужны были. Демобилизовался Владимир Александрович в тридцать лет в чине капитана. Пришел на завод. Стал учеником токаря.

2.

Мне не покидало ощущение, что знакомство мое с Шубиным состоялось не в Чите, а значительно раньше и во многих других местах. Я вспоминаю воронежского рабочего Николая Богатырева, сумевшего так организовать свою работу, что нет равных Богатыреву среди сборщиков Большезубных покршек не только на родном его заводе, но и во всей стране. Вспоминаю встречу с инженером из города Тореца Алексеем Григорьевичем Стаховым, чье имя и трудовую подвиг стали легендой. Вспоминаю Володеду Целува с ленинградской «Электросилы», который смотрит на работу как на трудовое, но постоянное и интересное творчество.

Владимир Александрович Шубин — явление не исключительное. Почти на каждом нашем заводе есть свои Шубин. В том смысле, что всегда есть человек, который вдруг задается каким-либо вопросом, подумает и в итоге для себя докажет, а другим — докажет, но для этого человека выходящими вовсе не аксиомой...

А начался дело так. Двадцать шесть блоков за смену! Рекорд!

Такого в бригаде еще не было. И установил его на сверлопные блоки Иван Нишин. Качество работы хорошее. Анатолий Бородин, старший смены, записывая в бригадный дневник сообщение о рекорде, дописал с общего согласия: «Молодец Иван!»

Прошло какое-то время, и Геннадий Косиков, тоже из бригады Шубина, ставит новый рекорд. Сорок блоков за смену!

— Походит ко мне Косиков после смены и говорит: «Глади, Александрович, стена».

Привет. Подаете и я ахнул, и рассидывается Шубин. — Действительно стена. Если заявлю, что мне так. Как истинный! Но это я про себя подавал. А испуг слышал: «Счастливо. Отдыхай». Не хотелось бы портить настроение. Да и в хороших руках смотрел!

Сорок блоков. Две нормы. Чин же я, бригадированном. На смену мне надо дать двадцать пять нормальных обратных нормативных блоков. А Косиков сделал две нормы, но обработал блоки только од-

Всероссийный фестиваль советской молодежи

СЧАСТЛИВАЯ ЮИ

Юрий ДМИТРИЕВ,
Миростлав МУРАЗОВ (фото),
специальные корреспонденты
«Смены»

В Кокшетау-Ярве. Здесь с 22 по 27 апреля состоялся Всероссийский конкурс молодых маляров, который проводил ЦК ВЛКСМ. Большую работу по организации конкурса проделали ЦК ЛКСМ Эстонии и Министерство строительства Эстонской ССР.

Выбор места соревнования не случаен. На протяжении нескольких последних лет в Эстонии с большим успехом проходили республиканские конкурсы по профессионам среди молодых отделочников. А эстонец Павел Пилле на Всероссийских соревнованиях маляров 1972 года, состоявшихся в Новокузнецке, занял первое место.

Отстоять звание сильнейшего гораздо сложнее, чем завоевать. Понимая это, Павел готовился к предстоящему конкурсу с особой тщательностью и старанием. Ведь в Кокшетау-Ярве съехались такие асы своего дела, как Василий Федин из Москвы,

ХОТЯ СТРОИТЕЛЬ ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНА МАХИТ МАМЕДОВ И НЕ ЗАНИЛ ПРИЗОВОГО МЕСТА, УЗНАЛ ОН С ХОРОШИМ НАСТРОЕНИЕМ: МНОГО УЗНАЛ НОВОГО, МНОГОМУ НАУЧИЛСЯ

НА СОСТЯЗАННИЕ ШЛИ, КАК НА ПРАЗДНИК.

ПАВЕЛ ПИЛЛЕ И ЧЛЕН ЖЮРИ КОНКУРСА, ЛЕНИНГРАДСКИЙ МАЛЯР ЕЛЕНА ПЕТРОВНА КОМРАКОВА

МНОГИЕ УЧАСТНИКИ КОНКУРСА НА ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ЭКЗАМЕНАХ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ ПОВЫСИЛИ НАСТОЯЩЕ ИНЖЕНЕРНЫЕ ЗНАНИЯ.

День первый

сенсаций не принес. Это был день проверки теоретических знаний. Всем участникам конкурса была вручена десять вопросов по технологии, организации и технике безопасности при производстве малярных работ. За правильный ответ строгие жюри присуждало десять баллов. Значит, в общей сложности каждый участник мог набрать сто.

Вопросы были сложны и требовали твердых знаний, профессиональной убежденности, в их ответах слышались и творческого, эстетического подхода к делу. Сегодняшний молодой рабочий — это рабочий новой формации, его познания не измеряются только одной практикой — он креативен и подготовлен и творчески. Профессия маляра давно перестала быть ремесленной. Лучшие ее образцы несут в себе элементы высокого художественного творчества. Загляните в солнечные и светлые залы наших школ, уютные кафе, праздничные павильоны выставок, просторные фойе современных кинотеатров и клубов, и вы сами убедитесь в этом. Два часа стояла в конференц-зале Коктяль-Ярванского стройтреста напряженная тишина. Обстановка напоминала студенческую. Не хватало лишь таблички с надписью: «Тише! Идут экзамены».

Первой ответила на все вопросы Валентина Воронова из Хабаровска, за ней — москвич Василий Федин, Ольга Четверикова из Фрунзе, Павел Пилле...

Члены жюри, которое возглавлял заместитель министра строительства Эстонской ССР К. Ханштейн, заняли свои места в президиум.

Кто же стал лидером? Кто набрал наибольшее количество баллов? Это пока тайна.

День второй

начался с жеребьевки. Каждый участник должен был сам решить свою судьбу — выдти номер комнаты, в которой ему предстояло работать. 156-квартирный дом на Нарвском шоссе. Флаги. Транспаранты. И зрители, в основном молодежь, и радость на их лицах. Еще был Дом, в котором им придется жить, будут отдавать лучшие маляры страны! Вот уж действительно повезло.

Итак, началась основная, практическая часть конкурса, в процессе которой всем участникам необходимо было произвести с полной подготовкой улучшенную клеювую окраску потолка, малярную окраску оштукатуренных блоков, деревянных подоконников, дверей и стен, причем технология производства должны были определять сами соревнующиеся, исходя из личных навыков и опыта. Нюансы механизации, работа — по решению жюри — только вручную. Объем и материалы для всех участников конкурса — одинаковы. Времени ограничено. Говоря языком строителей, 34 человеко-часа. Максимальное количество баллов, которое можно было набрать за практическую часть конкурса, — 320.

«Павел Пилле работал в обычной своей манере — спокойно, не торопясь, сиюминутно забыв нехватившая полюбившийся ему мелодию песни «За того парня». Но руки его жили как будто другой, самостоятельной, полной энергии и артистизма жизнью. Поначалу существовало движение — ни одного лишнего жеста, как у хорошего дирижера. Иногда Павел слезал со стремянки, закурил и, отойдя в угол, внимательно вглядываясь, рассматривал сделанное. Лицо его при этом оставалось безразличным. И было непонятно, доволен он или нет.

К концу рабочего дня Павел заглатывал и Федину. Много хорошего слы-

завоевавший на геродском конкурсе 1972 года звание мастера «Золотые руки», ударник коммунистического труда Валентина Воронова из Хабаровска, кандидат в члены ЦК ЛКСМ Грузии Бинчио Титвинидзе, депутат Пеннинградского городского Совета депутатов трудящихся Валентина Примина. Их было двадцать три. И каждый из них был полон сил и желания добиться почетного звания лауреата золотой кисти страны, завоевать специальный приз «Юносомолки» и... путевку на десятый Всемирный фестиваль молодежи и студентов в столице ГДР Берлине.

Нас познакомили в 1962-м. Ясным июльским вечером, при случайной встрече у старинного кирпичного здания, в котором помещается Театр музыкальной комедии.

Он недавно вернулся из Москвы, отучившись в Центральной консерваторской школе, вернулся в редакцию «молодежки», чтобы стать в ней ответственным секретарем.

Через год, близню, или, как старш писали, дружно сойдясь, мы поклялись с Саней на север области и проблемы там долго. Усть-Ильин только начинался несомненно палатку у Толстого мыса дружились настил сделанную валеоблабую площадку, угрюмую, дыную еще громаду Толстого мыса окончательно лишь знамя, поставленную первым палаткам.

Мы жили в двадцатитрехпалатной палатке вместе с десурорами из бригады Валентина Мадьяева. В палатке висела старенькая гитара, и Саня в первый же вечер потянулся к ней. Тогда, на Усть-Ильин, Саня потянулся, но вешал навалившись за день десурорами, наигрывал слова Дельяка: «Когда есть и не пия слез...», и, должно быть, парил где-то надвоем над этой палаткой, над этим усталым, пропахшим морозной пальтою помещением.

Затем мы уехали в Иконе-Илискис и многие дни ходили по его деревянным тротуарам, мимо его раскопанных курганных донов. Там услышали историю причудливого дома, принадлежавшего некогда княжескому купцу Виоу Александровичу Черныку. Купец был суверен. Ему однажды сказали, что жить он будет до тех пор, пока строится дом.

Чернык переставшая его всю жизнь, добавляя балочники, башени, крытые переходы...

Через десять лет Саня вспомнит этот дом в своей последней пьесе «Прошлым летом в Чулымске», в суверенной пьесе, с которыми купец переставшая вала, трансформируется в пьесе в позитивный, выходящий символом человеческой чистоты: неустанные хлопоты юной Валентины, героини пьесы, с садовой калиткой, оберегающей цветы от ног разнузданных прохвонев.

Тогда же Саня писал свою первую большую пьесу. Он дал ей имя «Примарк». Впоследствии, при официальном ирещении, он переименовал ее, и с тех пор знают ее как комедию в двух актах «Прощание в июне».

Зимой 1965-го мы жили под Москвой, в Красной Горке на даче Б. А. Косовского. Пилился хлебом, картошкой, кашеной капустой, соленьями и огурами — классической пищей провинциальных чествователей. Хотели немногого «сбодаться», переурядить московские журналы и театры.

В ту зиму впервые Саня написал пьесу «История А. М. Аробузов в В. С. Розов. Саня возвращался в Парху с именем того или другого, коротко говоря...

— Вроде ничего. Кирифия нравятся, воспевае часурову с гитарой, снова брались за перо; что-то делало кое-что. Пару сцен еще написать надо.

Он радио употребил глаголы совершенного вида, наиважно: знание литературой — бесконечное стремление к совершенству.

В 1966-м журнал «Театр» напечатала «Прощание в июне», и к Сане пришла известность. В последующие годы она крепла и ширилась: на многих сценах появляется «Старший сын», прошлой весной в Ленинграде, в Елисейском драматическом театре, состоялась премьера «Провинциальных анекдотов». Пьесы Саши Вампилова переводятся на немецкий, чешский, польский языки.

Он мчал московских премьер. Но не дождался: 17 августа 1972 года погиб на Байкале. Без него открылся овередной театральным сиеон. Театр имени Ермоловой поставил «Старшего сына», Театр имени Станиславского — «Прощание в июне». Во МХАТе релентноут «Угрюмую охоту» — его лучшее, может быть, безупречную драму, в «Современнике» — «Провинциальные анекдоты». Салют поэмьер на славы могилы.

Мы жили на одной улице, через дом друг от друга. Разумеется, часто виделись. И сейчас, когда я выхожу из подъезда, по привычке взглядываю налево: вдруг да идет Саня, по обыкновению задумчиво склонив голову. И мы пожимаем друг друга в горло, торгуя по дороге о том о сем. Как бывало когда-то.

Вислава ШУГАЕВ

Предлагаем читателям «Смены» отрывок из пьесы «Провинциальные анекдоты» — «Ваддять минут с ангелом».

Детские пьесы происходят в гостинице небольшого провинциального городка. Угаров и Анчутин новоязники...

Александр ВАМПИЛОВ

ОТРЫВОК ИЗ ПЬЕСЫ

УГАРОВ (осматривает бутылки). Тридцать шесть копеек. Даме телеграмму? АНЧУТИН. Кому?

УГАРОВ. Надо покупать. Пойдти в управление — проверить два три номера. Женя — привезит половину. Остается — матери... Ей...

АНЧУТИН. Мать, конечно. Мать не подает.

УГАРОВ (пишет в записную книжку). Черновечск. Перова, два. Угаров. Срочно сорок, Лопуха, Глазунчат. Виктор. (Считает количество слов). Раз, два, три... По три копейки, уложимся.

АНЧУТИН (вернется за голову). Три рубля — всего и надо-то. Я когда в геологии работал, три рубля мне только давались! Покупать те раскраски. (Презрительно.) Три рубля! (Помогая.) А ведь без них и поделку можно.

УГАРОВ. Да не вой ты, Федор Григорьевич. Придумает что-нибудь. В лесу мы живем, что ли? Неужели на свете нет добрых людей? Неважно.

(Поднимается, распахивает окно.) Смотрите, сколько народу. Полаяя уаия...

АНЧУТИН (подходит к окну). Ну? Вот и попроси у них... (Помогая.) Что не просишь? Проси...

Оба смотрят в окно.

Все они добрые, когда у тебя деньги есть. А когда нет — они все пролетят незаметно, как тараканы. (Кричит в окно.) Люди добрые! Граждане! Минутку внимания!

УГАРОВ. Что ты, зачем?

АНЧУТИН (Угарову). Гадаи, что поучаются. (Кричит.) Люди добрые, помогите! Безыгодное положение!

УГАРОВ. Чего ты хочешь?

АНЧУТИН (Угарову). Погоди. (Кричит.) Граждане! Кто даст взаймы три рубля?

УГАРОВ (смеется). Не шути, Федор Григорьевич, милиция такие шутки не любит.

АНЧУТИН (исмешливо). Гадаи на них... Смеяться... (Кому-то ни уаия.) Ну, кто выдешет? (Угарову.) Вышь, расклялся на сытый желудок...

шел он о работе москвича. И то, что ежемесячно выполняет план на 140—150 процентов, и то, что объект его работы — места почти полностью механизированы, и то, что он, как один из лучших мастеров столицы, ездил в командировку в Бухарест, где помогал коллегам из Румынии отделить павильоны для выставки. Но то, что увидел Павел, поразило даже его: потопки у Василия были почти полностью готовы.

— Как же это ты утритесь! — спросил озадаченный Павел. — Или шпатель уже раз делал?

— А разве заметно? — прищурившись, вопрошал на вопрос ответил Федин.

Павел проверил качество работ, но ответить на мучивший его вопрос так и не сумел.

— Считай, что два — ухлыбнулся Федин, — а то мне десять баллов за

нарушение калькуляции снимут. — Развел руками и пояснил: — Первую шпательку надо делать качественно. Расчет простой: если можно и не зачищать, а если и придется, то только местами. А шпательку у вас, в Эстонии, — первый сорт, лучше нигде не встречал: мягкая, эластичная, нежная.

— Это верно, — заметил Павел. В комнату вошла Вала Воронова из Хабаровска, Альберт Амирханов из Армении, Оля Чернышова из Фрунзе, и в пошел у ребят непринужденный, открытый разговор, обмен опытом, который должен был состояться лишь в самый последний день конкурса. Но какие у них могли быть тайны друг от друга?

— Жаль, что коматы маленькие, — посетовала Вала Воронова, — разворачиваться... И тут же с интересом спросила у Василия: — А каким спо-

собом ты поблнку делашь, если на четвертом-пятом этаже работаешь? — Механизированным, — пояснил Василий, — с первого этажа подносят через компрессор.

— А гнутую?

Вопросы посыпались как из рога изобилия. И Василий и Павел, разбирая свои маленькие профессиональные секреты, были счастливы и оба не скрывали этого. Говорят, тайны об объяснении туснеют. Наблюдая иногда за фокусником, смеюсь, я слышу на его манипуляции с какиминьдуб шариками или платками и думаю дельшась. А раскисает он вам, в чем дело, — вы убабываете. Элементарно. Как дважды два. Но здесь уж, видно, не избежать и второй сентенции: все генерально просто. А вот поди догадывайся!

«Обмен опытом» затнулся, и весь остаток вечера провели в дру-

жеской беседе, делаясь планами, впечатлениями, раздумьями.

День третий и четвертый

прошли в напряженной работе. Но если третий пролетел незаметно, как летучая мышь в сумерки, то четвертый принес первую сенсацию: за десять часов до обусловленного срока окончания работ сдал елочку от комсомола Насим Исхаков, маляр из Бухары, установив таким образом первый рекорд конкурса. Но что скрывает строгий жюри, строгие в бумажной форме, слова: «Ведь среди нас есть специалисты своего дела, как Виктор Горянский, начавший отделе переводов методов труда Менделеева строительства Эстонии, бригады комсомольско-молодежной бригады отпочковиков треста «Лиекшстрой»

А другие будто и не слышат... А толстая, глядя, даже ходит прибалю.

УГАРОВ смеется.

Вот так. Вот они, твои люди добрые.

Оба отходят от окна.

Вот так, брат. Деньги, когда их нет,— страшное дело.

Помскачали.

УГАРОВ. Смех смехом, а где же действительно взять три рубля?

АНЧУГИН. Фуфайку мою толкаешь? Новая. УГАРОВ. Или часы. Черт с ними! АНЧУГИН. Часы теперь не в цене. УГАРОВ. Не в цене, но в бутылку-то аллат. АНЧУГИН. На бутылку могут. (Помскачал.) Фуфайку, oui вернее.

Стук в дверь.

УГАРОВ. Дай Ухидте.

Входит ХОМУТОВ. Задумчивый человек лет сорока. Встал из простого,го, спокоей и веселая.

ХОМУТОВ. Добрый день.

УГАРОВ. Здравствуйте.

ХОМУТОВ. Скажите, это вы просят денег?

Молчание.

Ну вот сейчас, из окна... Вы? АНЧУГИН. Ну и что? ХОМУТОВ. Так вот я... Коим деньгам вам необходы...

УГАРОВ. Что? АНЧУГИН. Может (усмехнулся), хочешь дать нам денег? ХОМУТОВ. Да. Могу вам помочь.

Молчание.

АНЧУГИН. А по шее ты получишь не жалеешь? ХОМУТОВ. По шее... За что? АНЧУГИН. Ну так, дай смеха. ХОМУТОВ. (улыбается). По шее не хочу. УГАРОВ. А что вы собственно, хотите? ХОМУТОВ. Хотел вам помочь. Но я вижу, что вы пошутили... Что ж, возможно, это смешно... Извините. (Идет к двери).

АНЧУГИН. Подожди. А зачем ты приходишь? ХОМУТОВ. (основываясь). Я же говорил: собрался вас выручить. АНЧУГИН. (усмехнулся). Хотел нам дать денег? ХОМУТОВ. Да.

Маленькая пауза.

УГАРОВ. Вы что, шутите?... А может, издеваетесь? ХОМУТОВ. Да нет, выходит, вы надо мной подшутили... УГАРОВ. Нам, знаете-ли, не до шуток, мы сегодня еще... еще не завтракали. ХОМУТОВ. Я не понимаю, вам деньги нужны или нет? УГАРОВ. (Анчугину). Он предлагает на троих. ХОМУТОВ. Ничего подобного. АНЧУГИН. Тогда не придураивайся. Говори, зачем пришел?

ХОМУТОВ. Я хотел вас выручить, но я не наставлю.

Идет к двери но в это время АНЧУГИН его окликает.

АНЧУГИН. Слушай, друг! (Подходит к Хомутову.) Слушай. Поймай ты хоть в сапогу свою душу, разве ты вырешь отсюда хотя бы три рубля? Нет... То-то...

ХОМУТОВ. Товарищи! Вы меня удивляете и обижаете даже... (Достает деньги) Вот, держите... УГАРОВ. То есть...

ХОМУТОВ. Держите, держите. УГАРОВ. В каком смысле? (Деньги берет.)

ХОМУТОВ. Берите, берите, пользуйтесь, что вы хотите. Не жалось, и вы не жалеете, если придется... (Звончимо) Всем нам, смертным, бывает нелегко, и мы должны помогать друг другу. А как же иначе? Иначе нельзя...

Маленькая пауза.

Ну хорошо. Раз вы так щепетливый, мой мой адрес. (Порохило к столу, налилса огресс.) Берите, кто разбогатеет. А впрочем, можете и не поздравлять. Ну вот. Счастливо вам. До свидания. (Уходит.)

Молчание.

Потом УГАРОВ бодряиво считает деньги.

АНЧУГИН. Сколько? УГАРОВ. Сто! (Бросает деньги на стол.)

Пауза

АНЧУГИН. Мне это не нравится... Небольшая пауза.

УГАРОВ. Федор Григорьевич... У меня такое впечатление, что нас сейчас будут бить... АНЧУГИН. Подожди-ка... (Стол резко выдвигают). Не было печали... (Оглядывает комнату, быстро и как-то vorовато прибирает постели, выводит в комнату порядок, деньги прикрывает газетой.) Черт те что... (Размышляет. Открывает дверь, заглядывает в коридор. Потом громко!) Анна Васильевна!

Васюта появляется, останавливается в дверях.

Анна Васильевна, вы умная женщина, а вот скажите... Вот, допустим, приходит к вам незнакомый человек, спрашивает честь по чести, расспрашивает, потом ни с того ни с сего достает пакет ассигнаций и говорит: «Вам надо сто рублей — держите. И уходит. Может так быть? А ВАСЮТА. Глупость... Что звал! Девят не дам, не просите.

УГАРОВ. Спасибо, Анна Васильевна. Все мы умная женщина. Дай бог вам здоровья еще сто пятьдесят лет.

ВАСЮТА. Делать вам, пьянщина, нечего. (Уходит.) УГАРОВ прикрывает дверь, подкладывает в стол и снова считает деньги, прощайтравившаяся свет. Появляется ХОМУТОВ, ведаемый Анчугиным.

АНЧУГИН. Вот (указывает Хомутову на деньги), Забирай суау. Ну тебе к черту.

ХОМУТОВ. Но ведь я их вам отдал, ведь это некрасиво. А потом, они ведь вам нужны, зачем же...

УГАРОВ. (перебивает). Послушайте, вас как, совсем отпустил или так... неададо? ХОМУТОВ. Вы откуда отпустили? УГАРОВ. Ну... из дома... ХОМУТОВ. На неделю, какое это имеет значение?

УГАРОВ. На неделю, да еще без присмотра. Не порядок.

ХОМУТОВ. Эти деньги... Как вам сказать... Сядом, у меня есть деньги, а эти, они мне не нужны. АНЧУГИН. А может, денюжки вовсе и не твои?

ХОМУТОВ. А что они, по-вашему? УГАРОВ. Я извинился, но они у вас не фальшивые...

ХОМУТОВ. Да что такое, товарищи! Это же галлю, наконец, я же от любви, полюбил...

АНЧУГИН. Скажи откровенно: «Лензолото» или «Манслюда»?

УГАРОВ. Нет, полюбил.

АНЧУГИН. Откуда аванс, поддельные то есть «Лензолото» или «Манслюда»?

ХОМУТОВ. Какое «Лензолото»? Какая «Манслюда»? Бог с вами!

УГАРОВ. Так... А между прочим, вы в бога верите?

ХОМУТОВ. В бога?... Нет.

УГАРОВ. Так. В бога, значит, не верите. А в секте случайно не состоите?

ХОМУТОВ разводит руками.

А кто вы, собственно, такой? Чем вы занимаетесь? ХОМУТОВ. Ну, агроном.

АНЧУГИН. Агроном? УГАРОВ. Агроном.

АНЧУГИН. Сеем, значит, нашим? ХОМУТОВ. Сеем, пашич.

АНЧУГИН. Кохлос, значит, мхаловонер? ХОМУТОВ. Ну, мхаловонер. Что из этого?

АНЧУГИН. Рабочий сям, конечно, но хвалает? ХОМУТОВ. Ну и что?

АНЧУГИН. Так сразу бы и говорила. Дом, конечно, срубите, корову полюбите. А?

ХОМУТОВ. Да нет же. Просто даю. Выручаю... Почему же вы мне не верите?...

Маленькая пауза.

(Вруч.) Скажите, у вас родители живы?

УГАРОВ. А что? Почему вы спрашиваете?

ХОМУТОВ. Да так интересно...

АНЧУГИН. Из милиции, что ли? (Достает документы.) Тогда на, смотри.

УГАРОВ. А может, из органов? А какой интерес? Мы люди маленькие... ои шофер, а инспектор. Какой интерес?

УГАРОВ. Ерунда... Еще раз повторю. Просто даю... Бескорыстно... Не возмните?

АНЧУГИН. Спасибо.

УГАРОВ. Я чувствую, возьмю я эти деньги — и на мне потом дадо будут возить вас.

АНЧУГИН. (отдает Хомутову деньги). На, передайте.

ХОМУТОВ. (суна деньги в карман). Я вижу, прощайтравившая участие вам непонятно. К сожалению... Ну что ж. До свидания. Не помашите алком. (Идет к двери).

— Я привыкнул оказывать Хомутову, полюбил ему руки на плечи, получается — обнял. Послу-

Герой Социалистического Труда Ирида Логунова, мастер Всесоюзной ударной стройки Эстонской ГРЭС, депутат Верховного Совета ЭССР Александр Захаров, и многие другие. Так что ни на какие вавсы, проскочить рассчитывать не приходится. Вслед за Насимов Искановым следуют члены от комитет Василий Федкин, Николай Самбурийский, Валентина Воронова. Будут ли они первыми! На этот вопрос мог дать ответ только последний день соревнований.

День пятый

разрешил все сомнения и прогнозы. Члены жюри тщательно осмотрели все комнаты, взяли на заметку все украшения и промахи и подавали итоги. По творческому сумму баллов набрал Павел Пилле, а по практике...

его ученик Велло Илвас, который выступил вне конкурса. И все-таки общая сумма баллов вновь выявила на первое место Павла Пилле. Молодой строитель-отделочник из города Вильянди доказал, что его успех на Всесоюзных соревнованиях майлоров 1972 года не случаен и что ему по праву принадлежат первые места в стране.

— У Пилле предеше всего высокая культура труда, хорошая производительность и... золотые руки... — так отзывался о работнике Пилле член жюри членов жюри, заслуженный строитель Белорусской ССР Владимир Михайлович Матвеевич.

— Мне просто повезло... — признался Павел... И это не главное, что я занял первое место, а что-то последнее. Мы здесь все равны и все друг у друга учились. У меня шестой разряд, так сказать, высший, и все я вроде бы должен знать. А этот конкурс не-

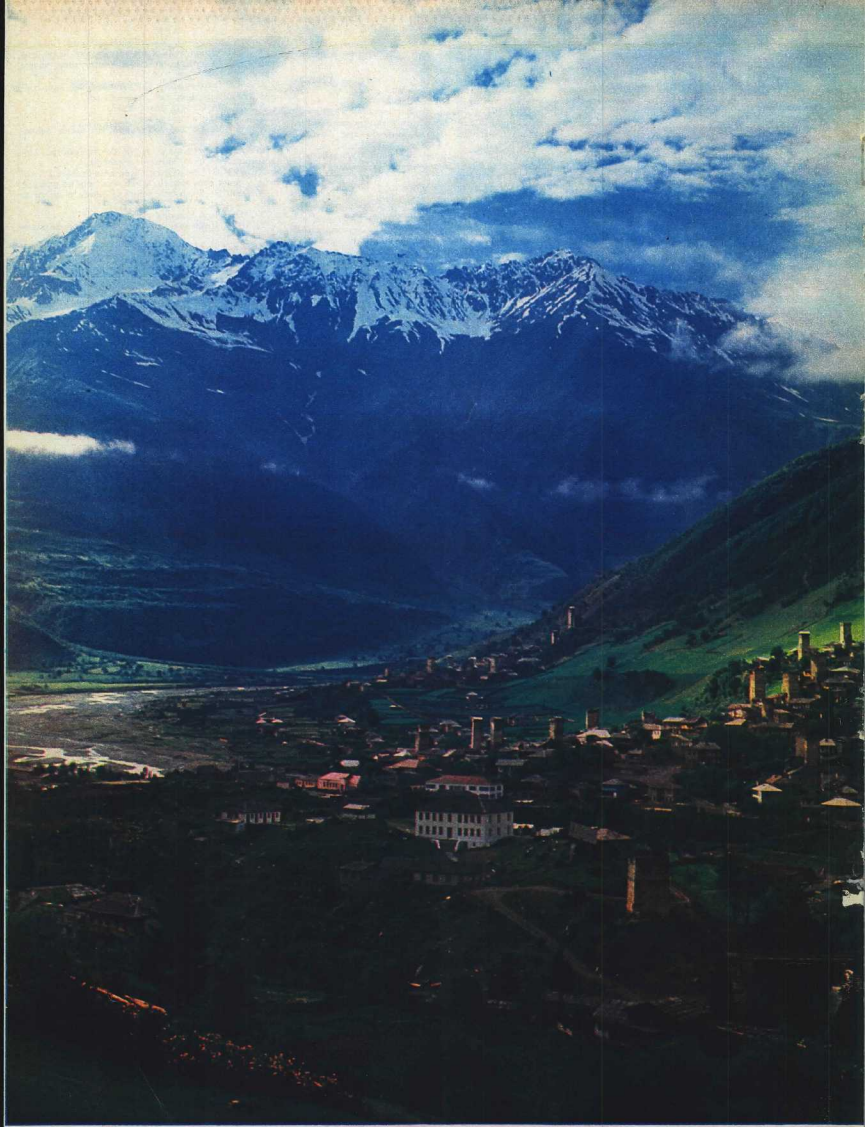
глядно доказал, что до совершенства мне еще далековато, многому еще можно научиться и многое узнать. И я очень благодарен и Василию Пилдину, и Валентине Вороновой, и многим другим за то, что они не держали свои секреты за паузой, а щедро делились своим опытом и знаниями.

Второе место заняла Валентина Воронова из Хебаровска. Она отстала от победителя всего лишь на пять баллов. В основном ПТУ и седьмой год работает на Хебаровском домостроительном комбинате. За безупречную работу, честность и принципиальность товарищи окликали ее высокое доверие: Валентина — депутат Индустриального райсовета города Хебаровска.

— Я привыкнул использовать высокопроизводительные механизмы, — сказала Валя. — У нас в распоряже-

нии электромаслопульты, шифальные машины, краскораспылители... Здесь же преобладала ручная работа. Это несколько затруднило дело.

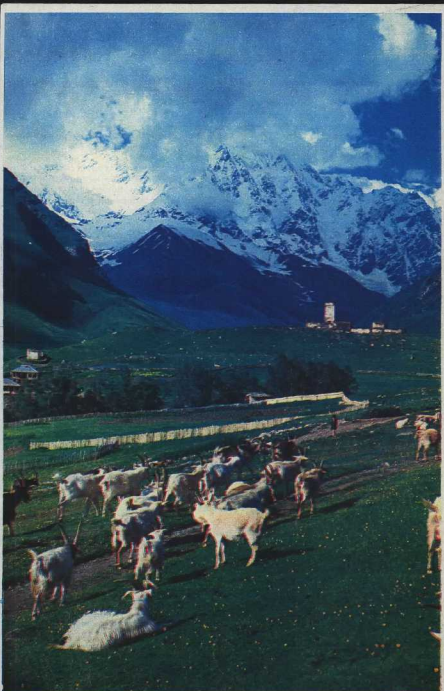
Третье почетное место на конкурсе занял москвич Василий Федкин. ИТАК, ВСЕОЗНОМЫЙ КОНКУРС ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА МОЛОДЫХ МАЙЛОРОВ ЗАВЕРШЕН. РАБОТА ПОСЛАЛА ВОСОЗСЛЕДЕ МАСТЕРСТВО МОЛОДЫХ СТРОИТЕЛЕЙ, ВЫСОКУЮ КУЛЬТУРУ И ОРГАНИЗАЦИЮ ИХ ТРУДА. НА КОНКУРСЕ РЕБАЛИ УВИДЕЛИ И ПОСЕРУЮЩИЕ МАСТЕРЫ НОВОГО И ЭТО НОВОЕ УВЕЛИ К СЕБЕ ДОМОЙ, В СВОИ БРИГАДЫ, ЧТОБЫ НА ПРАКТИКЕ ОСУЩЕСТВИТЬ ПРИМЕНЕНИЕ БОЛЕЕ СОВЕРШЕННЫХ ИНСТРУМЕНТОВ, КАЧЕСТВЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ И ТЕХНОЛОГИИ.

Красота родной земли

СВАНИЕЛИ

Темураз МАМАЛАДЗЕ, Мария ВАХРОМЕВА (фото)

УТРО У ПОДНОЖИЯ УШБЫ.

Тащен грядой отступают вдаль зримые образы этой земли. Относимые эрозией и расстоянием, они постепенно исчезают, оставляя только нуавство, которое невозможно выразить.

...Они стояли в железном кузове самосвала, отрешенно, недвижимо смотрели на наши рюкзаки, этюдники, фотоаппараты, не спрашивали, кто мы и зачем... Четверо седоков — старики в латаной полушубке, двое парней в штормовках и мальчик в серой с черной окантовкой шапочке — молчаливо обобщая, спланировали на восемь часов этой дороги. Они и друг с другом не разговаривали; но потели назад отлакированные субтропички Кавказа и был благополучен асфальт, мы слова от них не услышали. Но стоило только смеяться горлу река в дороге притесниться к скальной стене, стоило глыбам славяи максимизировать над головами, взрезать поворот тумана и сбросить его к отвесу ущелья, они как-то незаметно расступились и прижали нас в свой круг. Не зная, как получилось, что мы теперь были вместе, хотя ни словом, ни взглядом они ничего не сказали нам.

Взруг в услышал:

— Пелники голову!

Навстречу медленно шли, вырастали, заслоняли все собой красноцветные в подлинных нагезах, скальные многогранники, невероятно усложненный и вместе с тем странно упрямый мир.

Ушба, — сказал старик. — Не опускай голову!

Под моей рукой дрогнуло плечо мальчика. Да! — взглядом сказал он своим товарищам. — Да! Один из парней, выскользнувший из объятий попутчиков, шагнул вперед, и у него вырвалось: «О Липа!» Трое подхватили этот возглас, и навстречу Ушбе, словно увеличиваемые воздушным потоком, двинулись многострунная волна звуков. Они пели, закрыв глаза и откинув головы, вознесли себя и нас на эти скалы и педиким, и белому снегу и тению в его ринном, сечении небу. Мальчик улыбался, звал нас вступить в песню, но мы боялись разбить эти люди, нарушить известие чем рожденное согласие между ними, солнцем и Ушбой. Мы только слушали, но и в нас вырастал сила, поднималось чувство высоты жизни. И храм этот казался безграничным, хотя весь он, как говорит, в горсти одной жемат — Главным водораздел Большого Кавказа, Сванский и Кодор-

БОРЬБЕ К. АШИП УШУХУЗИ

"ВЫРОСЛИ, ПУТИ, ТВОИ ДЕТИ"

В рязне люди выступали на страницах «Смены» грузинские поэты. Какое-то бы, совсем недавно напутствовал Носиф Носеишвили своего ученика Шоту Нишидзеви. Теперь Шота извещает, мастерство его очевидное, а поэт открыт... Замыслились образцы грузинской поэзии и переводчики Белага Скабеладзе, Владимир Соколов, а также редакторская читателька с теми на молодых поэтов, а кого особенно верна. Он отключил дарование Мтеарис Переладзе и Бердия Бериашивили, писал о том материнство, с которым жила возмужавший поэт.

В этой повесте «Смены» разом с нею, уже известными нашему читателю, выступают молодые Владимир Аллендзе и Джансура Чарквиани. Знаменательно: что и русские поэты Евгений Луцкий и Михаил Сысальков, сожившие себя с ними узлами творческой дружбы, впервые дебютируют в «Смене» в качестве переводчиков.

Бердия БЕРИАШВИЛИ

ВЫРОСЛИ

«Опыт вырастает
Тыгра, цыганя
Алгетского тигра»
Народное.

Выросли,
Действительно выросли, Грузин,
Твои дети,
Выросли,
Что же, выросли
Тыгра Алгети.
Парни Рустав — сильнеешие
парни на свете,

Парни Ингури — храбрейшие
парни на свете.

И в Алазани,
В долине реки Какети,
Томе тыгра ты вырос —
Твои дети.
Доставать с неба звезды —
Из обычных игр.
Настоящим мужеством
Исполнены их прекрасные лица.
Ну, а вот, кто сказал,
Тыгра вырастут,
Щенята Алгетского тигра,
Был, конечно же, ясновидец.

Предстартовый трепет глагола,
Обретение крылья слова...
У полдня пронзается голос,
И тихо начнутся листва.

Слова
Эти саженцы мысли.
Поэт — он садовник в душе,
И сад его просто немалый,
Коль он заревет на миге.
Слова —
Эта всякая плата,
Когда настали они.

* Не ставьте под песню даты —
Закните в ней лучше огни.
Поэт!
Все печали на свете,
Все радости — это твое.
В доме своем не сдаться ты,
Ты словом вершишь бытие.
Прислушайся к звукам природы,
К дождичке, к росинке, к слезе...
Звенят Алазанские воды
В живой какетинской лозе.

Джансура ЧАРКВИАНИ

ЛЕСНОЙ ВЕТЕР

Восстаю к небесам туман молочный,
Взмавлю к туману
Белые леса.
Из туману назави небо водосточный,
Туманом достик, шаткой и невротичный,
Летит собака — темн полосо.
Учусь любить возмужавшие овалы,
Хочу, чтоб ты когда-нибудь устала,
Чтоб ждала меня,
И дни и ночи ждала.
В свей
Апельсино-сливхи крыльях
Ночь сделала как ясный день, светла,
Ужели ты не стала, обесилась,
И звездных глаз во туману не отвела!
Но доз лесов
Мне слышен в отдалении,
Когда с душой солется иногда

Твоих прекрасных пальцев шелестенье,
Считающих недели и года.
Прямые леса
Туману нечуждую;
Тебе дано слезами изойти,
А я молчу... Меж мною и тобою
Обрублены дороги и пути.
Ищу тебя, ищу тебя,
Причина
Ночного одиночества в глуши
Влечет печаль, как оползая лавина,
Твоя рука
Спасает души.
И ставишь дикой крыльям быт в тревоге,
И нарастают ветры голоса.
Пути чужие, дальние дороги
Мне заградили белые леса.

БЕРЕГ АРАГВЫ

Берег Арагвы.
Зари песнопение.
Внецет серебряный промельк
форели.
Яростный снав застался ступень ступень,
Гребням растений согласно запели.
Громкая лесная водовороты
Рвется в тенетах, ничет ответа,
Русло исходе.
Неба

Ворота
Цвета заката и цвета рассвета.

Слышите:
Эта глухие удары...
К берегу
Сходит
Грузинская дэва.
Облик суровый царницы Тамари.
В голосе
Отзвук речного напева.

ский хребты — и попробуй разоум-
киев.

«Скоро а реки выйдут лосось, я
подарю тебе надежду непохожа. Мм
полю через хребты Баки, известии
Мазери, поднимаюся а Ушугуи, При-
жизья, Савнетия нужна тебе. Только
прежде спроси себя, क्यों ли ты к
встрече с ней...»

Мой друг живет в изюмах Ингу-
ри. В створе будущей платины Ингу-
ри-ЭС, над шестистыми спинами
загорой, он видит изломы синихих
вершин. По вечерам к нему в дом
присядят скакловые и берут на руки
его сына. Нежному телцу поюнию
в руках, оборачивая в себя тверд сна-
ва. Тот похорит Лаво, поведет его на
Багнуртаны, а потом и повывше.
Пожакем, где рождаются реки и на-
чинаются небеса. Лаво — счастливый
ребенок, он наследует права отца на
эти три с лишним тысяча неадратных
километров в верховьях Ингури,
миллиметров Вершин Савнетием. Не
только, чем мой друг, выросшие вдвоем
не раз, заслужил эти права. Он не
раз бывал сметенным лавиной, обя-
завшись веревкою, косил траву на
крутом склоне, паргалел в сад, когда
дядя били вывалился из сил, заревет
на Мазери, но ведь доблестно,
выдержкой и силой наделены животное,
а вот Савнетия признала не все.
Ее котырала часто и всякая раз
сообразно пристрастиям и вкусам
«параотризмателем». Князя Дедаш-
вили пытались взломать ворота
Вольной Савнетии, но за хребтом ба-

люй каждый сван считал себя суверен-
ной собственной судьбы, и у князя
ничего не вышло. Англиские альпин-
исты нашли здесь кваказитские Мат-
тери, а дома своем не сдаться ты,
Ты словом вершишь бытие.
Прислушайся к звукам природы,
К дождичке, к росинке, к слезе...
Звенят Алазанские воды
В живой какетинской лозе.

Дом у подножия Ушуби. Я прожил
в этом доме несолько дней, и мне
поверилось, что все в нем и вокруг
него вавечно дано мне в счастье.
Высокие стена Лавы, Белый грот в
каньоне Долпы. Гребень вынутаго
клубка, из-за которого вымывается
израненное о гранитные шипы

Дом и Ушуба — лицом к лицу. Не-
малюгичий взгляд очию в упор, но не
сизу вверх, взгляд сильного и равного,
высокого сына Лавы. Белый грот в
каньоне Долпы. Гребень вынутаго
клубка, к ногам победителя.
Я пришел к Макрини после тризны
в Мазери.
Давид Калдани возвращаюся с Уш-

Он спешил домой, целый год он
проел адал от него, в Кабардино-
Балкарии. В награду за это воссто-
нение он обещал себе неделю отды-
ха в кругу родины. Он спешил, спус-
кался быстрее, чем можно было, и
сердце не выдержало...

Потокий на готический соборник
Мазери расстался в небо. Я прожил
свояко толку к фамильному клуб-
бищу, когда кто-то осторожно косну-
лся моего плеча. Передаю иной стола
высокая сядет кончица в черном...

Синюк, не ходи туда. Ты ведь не
оплащешь Давида так, как эти лю-
ди.
Я не отгадал, не успел. Гром муж-
ских голосов поднял над нами туман
неба. Это была «звиз» — поргелыва-
ния лесна свеса. «Зари» по-грузински
— «заван». Гудел и протомлюю,
он шел отговесду, односторонне из
глубины и с высоты, и соединял здесь,
у изюгов Давида. Он приближал к
мне удыстельца Лавы, сгивал в узлах
тропы, ссылая Вашинг, они выстраи-
вались вокруг, вачные воины, старею-
щие, но еще крепкие.

Пойдем, сынок, — сказала жен-
щина, и мы вместе не плуату, я петь
с ними горе ты не умеешь...
Потом она еще раз подошла ко
мне и спросила, как я намерен до-
браться до Мазери.
«На полпути», — ответил я.
— Сегодня отсюда никак не уедет.
Я предлагаю тебе мой дом.
Тыщина в дом. Вдал заметный
скрип половиц, прививших и тако-

дому перестуку Ботнок и сапот. Гора
одевал на полке. Деревянные сван-
ские ирелла с лотками неаполной
сиды не мешал. Фонарь, Цевосый
синюль. Корабельный блеск
старого барометра. Обмотанный
паклей шест. Очюю она подосит и не-
кую слышу, и тем, кто на Ушубе, явден
во миге огнистый знак ее ожидания.

Альбом с фотографиями. Я всматри-
вался в лица, знакомые по фильмам
и плакатам, и вспоминаю:
Только следы на снегу и заметны,
Словно старинная надпись на камне,
И ни концы у нее, ни началы...

Она строила и обивала этот дом,
ктогда Ушуба считалась неадогосомой.
Одиночество начинало вечною. Но вот
однажды пришел брат и сестра Джи-
паридзе, Ягор Нишидзеви и Гюю
Нишидзе, местный человек, сван...
За ними через горы потонулись ще-
почка людей, и каждый из них пере-
дот восхождением на Ушубу и по воз-
вращении с нее находил приют у
Макрини.

Удивительнее всего то, что она са-
ма не любит горы: «Это мои знамен-
итые арды. Но ей не могу отгадать
ладок в тепле, когда они решаются
на такое. Я привилка и ним, верныя
и наостощим. Как они любят горы, так
я люблю теплу».
Наверное, наостощив человек — тот,
кто способен вместе в свое сердце
боль и горести, тревоги и счастье
многих людей и выжить, выстоять.
Михайл Явля и в д.с. Ушуба. Пе-
ревод И. Заболотного.

только Местиа! «Просто» горные лыжи — трассы на плато Ушбы у ледника Чаледи позволяют продлить сезон до августа — сентября. Пока и нет дорог и подъемника, долго строится турбаза, еще только в за-мысле архитекторов горные присы-ты и лагеря, еще только вынашивается идея создания школ горнолыжного спорта и альпинизма, но все это станет реальностью, не может не стать! Грудная сванская земля вознаградит своего хранителя за его преданность и мужество.

Возвращаясь в дом Макризи, слы-шу ее голос.

— В тот день, когда из Долонто-вых Альп пришла весть о гибели Ми-ши Хергиани, из многих наших сел вышли в горы мальчики. Их не мо-гли остановить, да и кто удерживал! Так они взрывали свое горе, а если вдуматься, и не только горе. Человек растет, крепнет в преодолении всего, что стремится подчинить его себе. Это может быть природа, что-то не-добрая воля, страх, да мало ли что еще! Человек живет преодолением и растущую силу прибавляет родной земле. Пока это есть в нас, вечно Сва-стий...

ИНТЕРЬЕР СТАРОГО СВАНСКОГО ДОМА.

СЕРЕБРЯНАЯ УТВАРЬ XII—XIII ВЕКОВ.

ЖЕНСКИЕ УКРАШЕНИЯ.

ВИД НА ГОРУ ШХАРА.

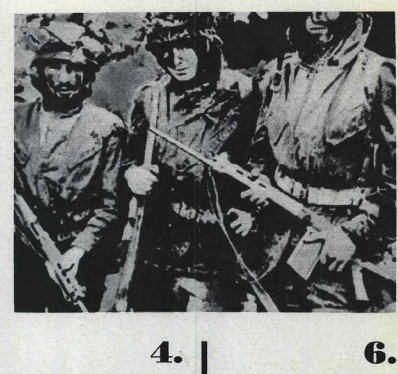
двинул к телу провода пологого телефона. Я чувствовал себя так, словно меня засадили на вертел, но молчал. На голову мне положили толстую трубу и вачали изо всей силы колотить по ней. Затем меня раздели и сбросили на снег, дергали за борозду и ушли. После трех истеричных криков встали черед пологого телефона. Я рычал и пытался освободиться, но они лишь хохотали и продолжали крутить пусковую ручку. Через два часа меня наконец развели и вместе с многими солдатами, которые померзли как живые живы пятаком, привезли в казармы».

Этот случай вышел у белгийской общественности огромное возмущение. Шесть представителей бельгийских парламентских подразделений, которые со временем кровавых расколов в Корее и в Вьетнаме считаются отборными частями армии, представили перед судом Министр обороны Пулли фон Ноувант заявил, что «подобные случаи не являются исключительными, поэтому виновные подлежат наказанию. Военный суд в Брюсселе вынес им условные приговоры от 16 дней до 3 месяцев, и кроме того, их приговорили к уплате символической «денежной компенсации», бывшая запятая: один бельгийский франк».

Вопросы до последней минуты отгаради обвинение в извращениях десяти товарищей. Свои действия они оправдали всего лишь как «обычные», которые не являются «преступлениями в других странах НАТО».

«ЖИВОТ», ЧССР

«АНТУЭЛЬТ», ДАНИЯ

4.

6.

Они возникли неожиданно на широкой плодородной равнине и северу от озера Менар — центр города страны и за то, что умещаются по направлению и взгляда. Это древние пирамиды — тригробны, называемые «пирамидами северян»: погребения Ауна, Эгил и Аавина, морские мавзолеи Сварра, германского племена, населявшего в 300 лет назад земные обитательности.

Холмы Гамла Угсала были одновременно и кивательными местами, где справлялись религиозные ладные ритуалы.

Затем Гамла Угсала утратил значение экономическое и политическое центра страны и за то, что река Фюрис, на которой стоял город, затопила ином и потеряла свое торговое значение. Все феодалы потонули в соседнюю область Швеции, называемую «Швеция северян»: погребения Ауна, Эгил и Аавина, морские мавзолеи Сварра, германского племена, населявшего в 300 лет назад земные обитательности.

«СБ», ШВЕЦИЯ

1.

Джон Шурмен, 21 года, перенес сложную операцию аппендицита. Два месяца спустя, когда он покинул госпиталь, ему было предъявлен счет на 20 тысяч долларов. Впрочем, Шурмен не единственной «страдающей от медицины» в США.

В США слыше 7 тысяч болящих. В их расчете 330 тысяч врачей, и тем не менее люди страдают, ибо в стране нет общенациональной системы здравоохранения. Лечение болящих не задача общества, а бизнес амальгамы болящих и частных страховых обществ.

На этом рынке в ведущей капиталистической стране, как и повсюду, отмечается взрыв цен. Этот взрыв касается прежде всего граждан США с низкой зарплатой и безработных. Играет роль и неравномерное распределение болящих и клиник по стране. Общественная статистика утверждает, что в 131 округе вообще нет ни одного врача. Все это привело к тому, что в настоящее время в США 40 миллионов человек не слышат медицинским обслуживанием.

По статистике, в США 85 процентов населения в возрасте до 65 лет пользуются услугами частных страховых обществ. Обслуживание соответствует заключенным договорам. Одни не включают в себя стоимость услуг дантиста, другие — рентген или лабораторный анализ. И американцы вынуждены каждый раз обращаться за помощью к врачу, доплачивать за эти виды лечения экстраординары.

«ИТД», ПОЛЬША

2.

Во время второй мировой войны территория острова Гриннар вблизи берегов Шотландии являлась объектом бактериологических испытаний. Почва острова была заражена спорами антракса — это была только один из экспериментов в ходе подготовки к бактериологической войне. Небольшое на острове выселилось ученые и взяли пробы почвы. Оказывается, сейчас, спустя почти тридцать лет со дня заражения, почва все еще опасна! Специалисты считают, что пробы сто лет, прежде чем остров сможет быть возвращен любой, прежде, не будут ликвидированы последствия бактериологического преступления. Дезинфицировать почву невозможно.

«САБЕНС ДАЙДЖЕСТ», США

3.

Двадцатипятилетний учитель Льюис Лаврэнс (на снимке слева), лейтенант запаса, призванный на службу, получил в ноябре 1971 года приказ проинспектировать небольшую группу солдат в учебный центр Форт-Бенни в ФРГ. Уже на второй день их поймав десятилетия, которые на манерах представляли неприличия, и отпустил на прогулку на заброшенную ферму, где полями свиналей. Лаврэнс вел занятия в комнате, в которой несколько десятилетий уже существовал связанный сержант. Лаврэнс спросил фамилию и номер — вспоминает лейтенант — Я ответил: Но когда стал расспрашивать о планах, молчал. Сказал меня привязать к бревну, завалив глаза и присосе-

ИЮНЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. ЛЕЧЕНИЕ — ВЫГОДНЫЙ БИЗНЕС
2. ОПАСНЫЙ ОСТРОВ
3. ОНИ ИСТЯЗАЛИ ТОВАРИЩЕЙ
4. ПИРАМИДЫ СЕВЕРА
5. ОБЕЩАНИЕ СЫВАЕТСЯ
6. ТОКИО ПОД УГРОЗОЙ СМОГА
7. В АМЕРИКУ — ФИНИКЦИСКИМ ПУТЕМ!
8. МАСТЕР МЫЛЬНЫХ ПУЗЫРЬЕЙ
9. СИНТЕТИЧЕСКИЕ ТЕРМОМЕТРЫ
10. ЧЕРНЫЙ КОЛДУН И БЕЛЫЙ КОЗЕЛ
11. ТАИНСТВЕННЫЙ СВЕТ МПАРЫ
12. ПОМОЩЬ КОЛОНИЗАТОРАМ
13. ВНИМАНИЕ! НА СТАРТ!

Материалы перепечатываются с сокращениями или в изложении.

Blatt 1

Мы ведём этот репортаж с Московского завода имени Ленинского комсомола, но явление, о котором мы расскажем, можно наблюдать везде, оно типично для всей советской молодежи.

История знает случаи, когда то или иное географическое название становится в глазах людей символом, знаменем, мерой чести и мужества. Таково для нас, например, Бородино, там в XIX веке зазвучали с 36-го года — Испания, а с 41-го — Сталинград.

Подобная честь выпала и слову «Вьетнам». Для нынешнего поколения оно синоним стойкости и героизма. Целью destino'м народов небольшой страны бился за независимость. Его бесстрашие и волю и сопереживание не смогли покорить ни техническая мощь врага, ни морская блокада, ни авиационные бомбардировки. Он выстоял и победил.

«Мы знаем», — говорил Л. И. Брежнев, — что вьетнамским рабочим, крестьянам, интеллигентам предстоит много сделать, чтобы поднять из руин города и села, восстановить промышленность, добиться новых успехов в

строительстве социализма... Дорогие вьетнамские товарищи, в дни мира, нан и в дни войны, мы с вами будем вместе, в одном строю. Поддержка Вьетнама — это наш интернациональный долг».

Апрельский (1973 г.) Пленум ЦК КПСС еще раз подчеркнул важность солидарности с борьбой вьетнамского народа. Помощь Вьетнаму уже давно стала законом нашей жизни. И тогда Всемирная Федерация демократической молодежи предложила провести международную кампанию солидарности с Вьетнамом и сбор средств на строительство детского госпиталя имени Нгуен Ван Чоа, эти призымы был точней все услышан в СССР.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БЮРО ЦК ВЛКСМ: «КОМСОМЛЬСКИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ МОСКВЫ, ЛЕНИНГРАДА, УФАИНЫ, БЕЛОРУССИИ ВЫСТУПИЛИ С ИНИЦИАТИВОЙ РАЗВЕРНУТЬ НОВУЮ МОЩНУЮ КАМПАНИЮ СОЛИДАРНОСТИ «СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ — ЮНОМУ ПОКОЛЕНИЮ ВЬЕТНАМА».

Одни из инициаторов кампании — коллегия Московского автозавода имени Ленинского комсомола. В инструментально-штамповочном цехе

новомосковцы устроили митинг. Евгений Горюхович, секретарь заводского комитета ВЛКСМ, представил слово слесарь-сборщику цеха моторов Виторию Шашину.

Мы хотим собрать средства на строительство школы, принять активное участие в проектировании и оборудовании Дворца пионеров и школьников в Ханое, провести в счет помощи Вьетнаму трудовые вахты, выступления и воспринять, отработать вьетнамским ребятишкам медикаменты и различные подарки: игрушки, школьные принадлежности, учебные пособия».

В обращении, которое принял участником митинга, сказано: «Мы уверены, что этот призмы встретит самое горячее, самое широкое одобрение молодежи, что советская молодежь еще раз продемонстрирует свою верность идеям и принципам пролетарского интернационализма, свою солидарность с героической молодежью Вьетнама».

Сказано точно и весомо. Однако скрыты за страницами обращения и другие слова, вслух не высказанные. Каждый из тех, кто поднял руку, принимая этот текст, характерен «лица необычайным выраженьем», у каждого — особый судья, особый нрав и темперамент и, следовательно, свое, особое отношение и пристрастие к миру событий.

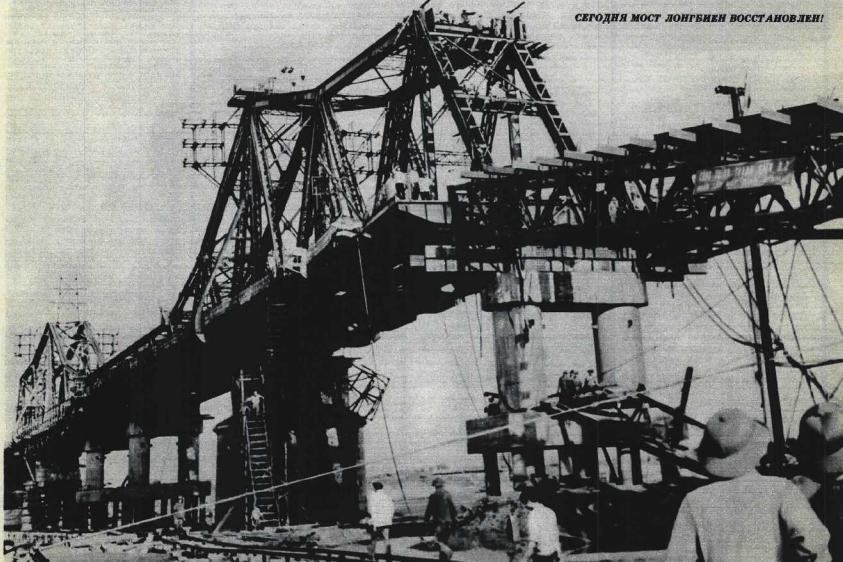
Эдуард ИЛЬИН

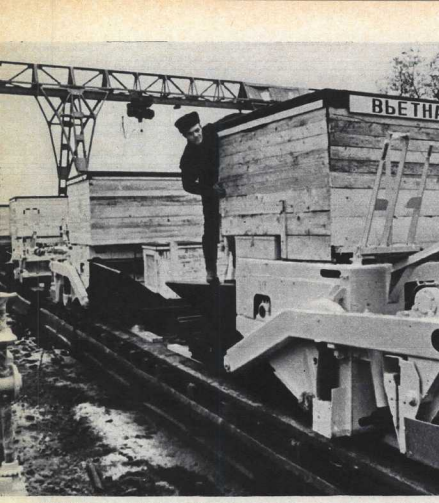
СЫННИИ СТОЙКОСТИ И МУЖЕСТВА

«КПСС подтверждает солидарность советского народа с вьетнамским народом и будет всемерно содействовать установлению мира в Индокитае».

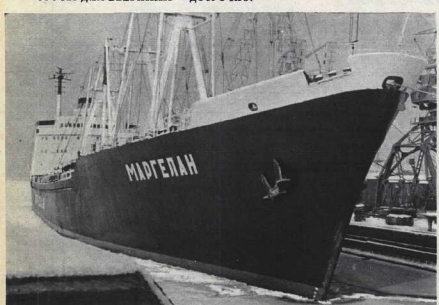
Из Постановления Апрельского (1973 г.) Пленума ЦК КПСС.

СЕГОДНЯ МОСТ ЛОНГБЕН ВОССТАНОВЛЕН!

ГРУЗЫ ДЛЯ ВЬЕТНАМА — ДОСРОЧНО!

Винтор Шашинов. Весьма известный на заводе для и за его предельная человек, член ствольного горюшка комсомола депутат Верховного Совета РСФСР. Ему двадцать семь, немного вроде бы, но уже есть что вспомнить не один раз в жизни устья его путь. Через несколько лет после войны умер отец и Винтор в шестнадцать лет стал инжениром. Работал на Угледобывающей тресту. Немалым сам стал отцом...

Момент ли ему быть безразличным, что где-то на заводе и по сей день горюшка неудобно, очень уж дичше...

Обо всем этом чаще думаешь, чем говоришь, и от этих мыслей, высказанных или невысказанных, словно бы иной становится твой работа да и все твой жизнь...

— Работал, — сказал как-то Винтор, — а ощущая свою связь со всем миром...

Впрочем, это ощущение характерно не только для него — для очень многих автозаводцев. «Москвич» экспортируется в 70 стран, берет чужд тут ли по всем дорогам планеты, это тоже способствует популярности идей интернационализма.

На заводе постоянно действуют отделения обществ друзей «СССР — Италия», «СССР — Чехословакия», «СССР — Куба». Идет энергичная переписка с десятком стран, организуются туристские поездки, обмен делегациями и т. п. Во всем этом активно участвуют комсомол по интернациональным связям при комитете ВЛКСМ, возглавляемая Валей Александровой, минимором отдела технического снабжения.

— Кажется, ей не очень в привычку давать интервью: то дело она заглядывая в календарь бюрократии, списки, справки — проверяет себя, уточняет, дополняет. Фантом много, и ей, как видно, хочется переписать их все-все, до единного, поэтому наш разговор поначалу несильно молчан чен.

В термобалванном цехе бригада Еришовой соревнуется — знаете с кем? — с бригадой гальваников из города Млада-Болеслава, что Чехословакия...

А ПТУ-148, что говорят нам для завода, переписывается с таким же заводом, переписывается с таким же заводом, переписывается с таким же заводом, переписывается с таким же заводом...

В цехах и отделах создается «углики интернационализма». Подпольная школа немедленно отмечает «день антифашизма». «Митинг». Статьи в газете... Письмо... Делегация...

Мамочка в проруку ее рассказать о себе. Писать хочется в омане народной судьбы...

— Нас четверо у отца с матерью. Папа мой, заводной инженер-борьбин, работает на заводе со дня его основания, с 1930 года. Сейчас он контролер в цехе испытаний. Мама, Пелагея Игнатьевна, тоже здесь работала, а в цехе сборки. Здесь же и моя сестра Рая — экономист в цехе запчастей и малярный брат Сергей — монтажник автомобильного хозяйства в цехе НОТ и АСУ. Только Шура, самый старший, не остался на заводе, он теперь в Магдарице, геолог. И мой муж Геня тоже наш заводской, но сейчас он учится в энергетическом институте — по путевке завода.

Маме все почти равно: до мамы от меня две трюмбейбусных остановок, до Рая — пять. Потому что все мы разные от природы. Но ведь вот отец и не вернулся, как не вернулся миллион других. И, значит, не было войны родине. Но ведь вот отец и не вернулся, как не вернулся миллион других. И, значит, не было войны родине. Но ведь вот отец и не вернулся, как не вернулся миллион других...

Еще четыре года, она первая звучала семья, и бабуся с дедом она не бывало с ума сходит. Страшно подумать о жизни этого моего не бытия, просто ИЕ БЫТЬ. Война вычеркнула из жизни целые куски, ее не было, просто ИЕ БЫТЬ. Война вычеркнула из жизни целые куски, ее не было, просто ИЕ БЫТЬ...

И бы предвзята американцам счет не только за каждого убитого ребенка, но и за всех потонувших, которые могли бы повзреть в зрелый детки. Когда смотришь в кино, как бомбили Хайну, знаешь, что я сам шомку; как бы хорошо мы жили, мет для полного счастья, лона там все не становится, пока хоть одна развалина останется. Надо нам только быстрее все построить, всем миром наладиться...

Война, которая промчалась по нашей земле тридцать лет назад, опалила и тех, кто остался в тылу, старым и малым, даже грудных младенцев...

— Мы беседовали с конструктором Винитором Антоном. Он рассказывал о рационализаторах, назвал сумму экономического эффента, подумал о том, что нужно для развития автозавода. Суховатый, деловитый, чужд ироничности...

Я невзначай заинтересовался возрастом беседника. — В апреле, четвертого года рождения, — был отват.

— В апреле, четвертого года рождения, — был отват. — В апреле, четвертого года рождения, — был отват. — В апреле, четвертого года рождения, — был отват...

— Отца незалежно до моего появления на свет приважили. А мать была...

Должком, сказала для ранних корей... Больше он ничего поговорила, глядеть на эту тему, и мы опять вернулись к «предельная» Деветкина, к цеху шасси... Предельная, видящая... Давно образовалась собственная заводская графин, он предельная жесткой протонной формы. Пришел на завод после десятилетия. Но сначала работал общирным мотором. Когда наладили строительство двигателя, он перешел на автоматизма, стало лучше. Тут-то и начал подвечать тонкости, технологические недостатки. Но было одно предельное другое... Вступили. Печенье на моторах Деветкина, к сожалению. Потом — в малодатный взаимоконструктивный институт. Там же и вступил — вечернее отделение вступил при ЭИ. Переехал работать в отдел главного конструктора. По обществу венной линии — председатель заводского совета технарей, а в последние время член комитета по качеству продукции.

— Тут я спросил его, не был ли он в числе тех, кто готовил недавний митинг в институте. Тот сам подошел под девизом «Всегда с тобой, Вьетнам».

— Нет, и не был в числе организаторов. Но не винить было... И вновь что-то сияло было по его лицу. Слово отпустил даленного народа. — Народ, который столько выстрадал. Надо помочь им подняться над миром...

Он промчался не слова, что и Вала Алексеева. Этот суховатый, мрачный, отнюдь не сентиментальный паритинг...

70 872 — НОМЕР ТЕКУЩЕГО СЧЕТА ЦК ВЛКСМ В УПРАВЛЕНИИ ПО КАСОВОМУ ИСПОЛНЕНИЮ ГОСБЮДЖЕТА ПРАВИТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА СССР НА ОТДЕЛЕНИЕ В КИШИНЬЕ. РАБОЧИЕ И СТУДЕНТЫ НАЧИЛИ ПОСТУПАТЬ ПЕРЕОДЕНЫ С ПОМЕТКОЙ «СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ» — ЮНОМУ ПОКОЛЕНИЮ ВЬЕТНАМА, ИЗ ПЕНИНГАДА, КИМБЭ, МИНСКА, РАБОЧИЕ И СТУДЕНТЫ, ИНЖЕНЕРЫ И ПИОНЕРЫ ВЫХОДЯТ НА СУББОТЫНИ, ВСТАЮТ НА СЕБЕУХОРОНИТЕЛЬНЫЕ ВАКВТЫ, СОБИРАЮТ ПЕКАВЕРНЫЕ РАСТЕНИЯ. «ТЕБЕ, СТРОИЩИХ ВЬЕТНАМ! ТВОИМ ДЕТАМ, ТВОЕЙ МОЛОДЕЖИ! ТВОЕМУ СЧАСТЛИВОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ЗАВТРА!»

Секретарь комсомольской организации банка из Ленинграда, Кимба, Минска, рабочие и студенты, инженеры и пионеры выходя на субботники, встают на себеухо...

...Вот что приходит в голову. Наследие Вьетнама — это человек, человек, в СССР — в 12 раз больше. Мы огромная, могучая, богатая страна. Каково бы, что нам стоит помочь сравнительно маленькому Вьетнаму?

Но будем реалистичнее: сколько мы им богаты, а как говорится, излишка в зарплате, в пенсии нет. Но богатство — это σημαντικό, и многого, чего хотелось бы, еще не хватает.

Мне запомнилась беседа с Винитором Кучебой. Слесарь-инструментальщик, учится в 4-м курсе вечернего техникума. Группировка, в назначенное время приходит в партию. Он решил мы его в группу, а он не захотел. Работы у них творческой, каждый день что-то нового, а время смекалка мунды.

После этого в спросил: — Вот тебе уже двадцать шесть, двадцать семь, отчего не поехать в Индию? Он принял шутку, улыбнулся, потом серьезно сказал: «Я не хочу».

— Условий нет. Миллионда. Никуда не поеду, потому что не хочу, чтобы помогать народам, борющимся за независимость и социальный прогресс. Я хочу жить в своем доме материального богатства. И не хочу, чтобы помогать народам, борющимся за независимость и социальный прогресс. Я хочу жить в своем доме материального богатства.

— Вьетнам, Гуананим, Братство. — Вьетнам, Гуананим, Братство. — Вьетнам, Гуананим, Братство. — Вьетнам, Гуананим, Братство. — Вьетнам, Гуананим, Братство...

Об этом совершенно случайно узнали в Красногвардейском районе ВЛКСМ. Пришел адрес тот детсада. Спешно вызвали меня, и я вместе с товарищем поехал туда. Там уже сидели пять на нескольких десятках учеников. Вьетнамцы издевались, расхогвардейского района. А недавно эта...

...Вьетнамцы издевались, расхогвардейского района. А недавно эта... Вьетнамцы издевались, расхогвардейского района. А недавно эта...

...Вьетнамцы издевались, расхогвардейского района. А недавно эта... Вьетнамцы издевались, расхогвардейского района. А недавно эта...

...Вьетнамцы издевались, расхогвардейского района. А недавно эта... Вьетнамцы издевались, расхогвардейского района. А недавно эта...

ДВАДЦАТЬ МИНУТ С 'АНГЕЛОМ'

Борьба между Угаровым и Анчугиным.

АНЧУГИН. Нет... Он мне раскажет... Разъярит по-человечьи...

УГАРОВ. А я тебе говорю... отпустил...

АНЧУГИН. А я говорю, нет.

Они таскают друг друга по комнате.

УГАРОВ. Отпусти...

АНЧУГИН. Не выйдет...

ХОМУТОВ. Прекратите, товарищи, прекратите!..

Оставайтесь!

Борьба продолжается, но, поскольку

силы у них оказались равными, оба

устают и садятся на кровать.

АНЧУГИН (глаголом уныит. Угарову). Трус... Фра-

ер...

УГАРОВ (глаголом вышит). Идент твй, Федор Три-

горьевич...

АНЧУГИН. Молчи, паразит.

УГАРОВ. Нарываешься сам не знаешь на что...

УГАРОВ поднимается и делает попыт-

ку развязать Хомутова. АНЧУГИН

бросается на Угарова. И снова они си-

дят на кровати.

Идент, идент и т.д.

ХОМУТОВ. Так... И что вы теперь намерены де-

лать?

УГАРОВ. Действительно, что нам с ним делать?

АНЧУГИН. Ничего... Так он у меня не уйдет.

УГАРОВ. Что делать, тебя спрашивают?

Маленькая пауза.

АНЧУГИН. Позвать кого-нибудь... Людей позв-

ать. Пусть расудят... (Поднимается, стучит в огу-

но стень. Потом в другую, выходит и коршит. Воз-

вращается, раскладывает карты, стоит у порога).

Приходите, граждане. Помогите, если можете.

Входит БАЗИЛЬСКИЙ и СТУПАК со

своими женами ФАИНОЙ, СТУПАК, уг-

либница молодой человек деловит вида.

Доволен собой и жизнью. ФАИНА

лет двадцать, не больше. У БАЗИ-

СКОГО в руках смывок и скринка

по расчесыванию. ВАСЮТА, появля-

ется всегда за ними.

БАЗИЛЬСКИЙ. В чем дело?

УГАРОВ. Что это случилось?

ВАСЮТА. Это еще что такое?

АНЧУГИН. Садись, Анна Васильевна, и слушай.

Садитесь, граждане. (Угарову.) Введи в курс.

УГАРОВ. Уважаемые соседи! Вы видите перед

собой человека, который буквально за полчаса испы-

требил нам все нервы.

БАЗИЛЬСКИЙ. Покоরে.

ХОМУТОВ. Развлеките мне руки.

СТУПАК. А почему он связан? Он что, преступ-

ник?

УГАРОВ. Может, и преступник, а может, и по-

сиде преступника. Так вот, поднимается мы се-

годня, извинюсь, с похмелья.

АНЧУГИН. В общем, дело такое. Тут я девеча

стучит ртом в окно, мол, граждане, зай-

мите сто рублей.

СТУПАК. Мы слышали. По-моему, это штука воз-

мутельная.

БАЗИЛЬСКИЙ (Анчугину, нетерпеливо). Продол-

жайте.

АНЧУГИН. Ну, пошлится и забыли мы это дело.

Тут заходит этот трус...

УГАРОВ. Буквально вам неизвестным...

АНЧУГИН. И говорю: «Это вы просили деньги?»

УГАРОВ. Деньги нам нужны, конечно. Перехв-

ать у соседа рубль три, ну, десятку, это повез-

ло...

АНЧУГИН. А это достает сотню, сто рублей

то есть...

ВАСЮТА. Господи!

АНЧУГИН. Достали вы говорите: «Нужны, так бе-

рите, пользуйтесь!»

СТУПАК. Не может быть.

АНЧУГИН. Остывает здесь это сотню и ухо-

дит (Угарову). Так как же?

ХОМУТОВ. Рассказывать дальше.

АНЧУГИН. Ну, я его, конечно, догояно, волоку

сюда, как, почему, расстолку я им честно. Сто

рублей не шутка...

УГАРОВ. Не за красивые глаза, сами понима-

ете...

АНЧУГИН. А он нам — мораль. Помочь, гово-
рит, хотя, от души, говорит, от всего сердца. Ну
вот и бьемся мы тут с ним, а он на своем, про-
сто, говорит, даю бескорыстно... Что же это та-
кое, а? Расскажите.

СТУПАК. Мда... Интересно.

УГАРОВ. Может, мы не понимаем, действительно. Он шофер, я добываю унитазы для родного

города, может, мы жизни не понимаем?

ВАСЮТА. Да он, по-дом, шпильный

АНЧУГИН. Трезвый он. Ни в одном глазу.

УГАРОВ. Вот вы, товарищ скринч, вы человек

серьезный, поговорите с ним как следует.

ХОМУТОВ. В самом деле, избавьте меня от это-

го кошмара.

БАЗИЛЬСКИЙ. Скажите, а все, что он тут рас-

нибдал...

УГАРОВ. Да, так и было.

БАЗИЛЬСКИЙ. Но... Что же, сто рублей? В са-

мом деле?

ХОМУТОВ (с досадой). Да. Сто рублей.

СТУПАК. И как же, бескорыстно?

ХОМУТОВ (с раздражением). Да. Бескорыстно.

СТУПАК. Интересно... Интересно, почему платю

бескорыстно...

БАЗИЛЬСКИЙ (Хомутову). Подарить этим моло-

дцам сто рублей?... Загладю...

УГАРОВ. То-то и дело, что загладю.

БАЗИЛЬСКИЙ. За что, за какойному? Ну, это вы напрасно.

Что тут таинственного? Жулик, жулик, и только.

ФАИНА (мужу). Зачем же ты так! Ведь неиз-

вестно...

СТУПАК (переводит). Что неизвестно? Неизвес-

тны мотивы. Неааром же он их скрывает. Но

мы уже знаем: такую шутку может выкинуть то-

лько заведомо несерьезный человек. Словом, жулик.

ВАСЮТА. Показать администратору!

БАЗИЛЬСКИЙ. А может быть, врач? (Хомуто-

ву.) Вы уверены, что вы здоровы?

ХОМУТОВ. Я здоров... Но послушайте! Неужели

вы этого не понимаете? У одного человека ни ко-

пейки, у другого червонцы. Одному деньги необ-

ходимы, а другой их копит. Так вот второй дает

первому, делится с ним, помогает. Что же тут ос-

обожного? Это же так просто!

СТУПАК. Это сурда. Идеализм, но скорей всего

жульничество...

ХОМУТОВ. Послушайте! Все мы больше всего

заботимся о себе. Но при этом неаля, поперите

мы, неаля вовсе забывать о других. Приходите

чел, и мы долго распыляемся за свое равно-

душие, за свои зтоком, это так, уверно нас.

СТУПАК. Бред. И притом реалистичный. Бред

и вранье.

ХОМУТОВ. Так... Сами вы, как видно, никому

не можете. Так хотя бы помогите другого, кто

то, кто помогает. Неужели не понимаете!

УГАРОВ. Здесь не такие дураки, как вы дума-

ете.

СТУПАК. Возможно, вы ищете популярности.

Неуживает моральный капитал? Тогда повяно.

БАЗИЛЬСКИЙ. Непослушайте! Нет! Не верю я

в вашу доброту. Это чертница какая-то невер-

ная! Не удивительно, если завтра эта история

попадет в газету.

СТУПАК. Может, вы журналист и добываете

себе фактлеты...

ФАИНА (мужу). Перестань.

ХОМУТОВ. Ну и ну. Вот уж в самом деле: са-

делай людям добро, и они тебе отблагодарят.

СТУПАК. Бросьте! Кто вы такой, чтобы распы-

лявать себя сентиментальными и сексу, кто вы та-

кой. Вы худаню. Но это в адушем случае.

ВАСЮТА. Да, откуда ты такой красивый! Ну?

Откуда ты знаешь? Уж не ангел ли ты небесный,

прости меня, господа.

БАЗИЛЬСКИЙ. Увы, с ангелами у него никако-

го сходства. (Хомутову.) Вы парадит. Или раз-

ноидность шарлатана.

ХОМУТОВ. Ну, спасибо... Буду теперь так, как

соваться со своим унктом.

СТУПАК. Бросьте. Уж не чистый вы не верит.

...

Маленькая пауза.

ФАИНА (всем). А что, если в самом деле?.. Если

он хотя бы помог! Просто так...

СТУПАК (кричит). Не говорю глупостей!.. По-

молчи.

ФАИНА (ужаснулась). Почему ты на меня кри-

чишь?

СТУПАК. Потому что не лезь, куда не слезает! Про-

сто так ничего не бывает. И никогда! Знаю это!

УГАРОВ. Это уж факт, дедушка. Просто так

ничего не бывает.

УГАРОВ полонетчем связывает Хо-

МУТОВ РУКИ.

ХОМУТОВ (испешенно). Товарищи... В чем дело?

Товарищи! (Пытается освободиться.)

АНЧУГИН. Не дергайся... Расскази же по по-

рядку.

ХОМУТОВ. Товарищи! Что вы делаете?..

УГАРОВ. Спокойно... спокойно.

Возня. Они усаживают его и втор-

ым полонетчем привязывают к

спинке кресла.

Вот так... Поговорим спокойно, в деловой обста-

новке.

ХОМУТОВ. За что?

АНЧУГИН. Рассказывай.

ХОМУТОВ. Расскази меня. Сейчас же раз-

решите.

АНЧУГИН. Скажи сначала, зачем привез.

ХОМУТОВ. Я все сказал. Не понимаю, что вам

от меня надо.

УГАРОВ. Это мы вас спрашиваем: что вам от

нас надо?

АНЧУГИН. Откуда про нас, рассказывай. Где ты

их взял?

ХОМУТОВ (обозлился). Хватит! Не задавайте

меня этими вопросами! И развяжите меня,

скажите!

АНЧУГИН (под носом у Хомутова покрутил своим

кулаком. Если ты халопетшь пенсико, то смотри,

а тебе помогу).

ХОМУТОВ. За что?.. За то, что я хотел вам по-

мочь?

АНЧУГИН (взвур дружески). Ну, хватит. Кирю-

шка хватит терпенья. (Бед ярком с Хомутовым, во-

здержательно.) Самишши, ты жопешь не вас, яде-

тас.

УГАРОВ. Цепанком и поновство.

АНЧУГИН. Не продайте, будь спокоен... Ска-

жите, девчачьи-то ворованья, берите!

УГАРОВ. Ну, украй, ну, что особенного, подума-

ешь, редкость.

АНЧУГИН (с издежкою). Украй!

УГАРОВ (распаренно). Ах! Ах! Ах! Украй! Украй!

Это вас устраивает? Украй! Это вы понимаете?

Молчанье.

АНЧУГИН (зая). Зачем же ты людям нервы тре-

па, а? Богородицу из себя выламывай, доброго че-

ловека! Привяжи тебе бляды!

ХОМУТОВ (растерянно). Но ведь вы же сами хо-

тели...

УГАРОВ. Не даже добивались, чтобы я сказал вам,

что это деньги ворованные. Что же вы перешаг-

иваете?

УГАРОВ (с сожалением). Не крах он, видно, что

не крах, другое... А что?

АНЧУГИН. Минутку. (Из ладонки Хомутова достает

документы, протягивает их Угарову.) По-

смотри, что ты за птица.

УГАРОВ (чиркает). Хомутов Геннадий Михайло-

вич. Агроном.

АНЧУГИН. Агроном?

УГАРОВ. Агроном. И фамилия, как у агронома.

АНЧУГИН. Слушай, агроном, откуда же у тебя

столько денег?... Вот мы отведем тебя в ОБХЭС,

пусть-ка они понтересуются...

УГАРОВ (не сраду). А может, вы оттуда и е-

сте?

АНЧУГИН. Откуда деньги? (Поступает к Хому-

тову.) Скажешь или нет?

УГАРОВ. Не трогай его. Куже будет. (Удерживает

Анчугина.)

ХОМУТОВ. Развяжите или вы за это ответите.

(Варьется.)

АНЧУГИН. Я тебе сейчас...

УГАРОВ. Слушай... Давай-ка его развяжем. Ма-

ло ли что? Пусть идет себе подальше...

КАНАТОЖИЛЫ

Сергей АБРАМОВ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

**Глава девятнадцатая,
о том, как добывается
и переправляется на Планету
псевдозолото Лоусона**

Уоррен был точен. Я тоже. Ровно в девять радужные створки дверей впустили меня в «святыхище». Уоррен ожидал на полдороге к столу, молча поднял меня к молочно-белой, без всяких украшений главной стене, молча нажал кнопку, и стена превратилась в подсвеченную изнутри карту владений СВК на Планете, страны Чабби Лайка, уступившего мне

Продолжение. Начало в №№ 5—9, 11.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

свою биографию. По мере нашего приближения карта менялась, континент рос, вытесняя все к северу. Приближаясь, Горда приобрела форму острова, реки — сияния, а их стремительность, каюто даждь плоским летам шом движущееся по ним вихри.

— Так же молча Уоррен взял улаку, обыкновенно школьную улаку, поужоу на билард, а так же, так же в квадратик на территории южной пустыни.

— Здесь, — сказал он, — будеге привлекательны. Докторы укажут место. Проследите за разведкой, или, наоборот, переводите брусков из электродов и проследите вместе с ними по трем номерам шом водое. Это форс — Ихтамбэ навааны, где и хранится металл. Отсюда два дня в лобное раюе Восточного Металлоинститута. Продолжение исследования.

— Все бруски заграмированы под замок? — спросил я.

— Все. Удачный камуфляж, не правда ли? Не знаю. Золотой триггер может вызвать подозрения интереса телекамер, приключений. Глухой район. Пустыня.

— Транспорты следуют с такой охраной, что любое нападение практически исключается. Иначе — подкупать охрану, или, наоборот, шом кому-либо удастся проникнуть в бригаду сопровождения, известный риск, конечно, имеется. Но его всегда можно предупредить. В течение года вы будете вынуждены в пустыне. Именно здесь наиболее вероятна удача акции, какие бы силы ни стояли на страже. А что нужно в конце концов? Всего один кусок металла весом в десять — двадцать килограммов, еще так мало смеялись, изобретательство и находчивость.

— Так я бесечно размышлял о карте, еще не видя этих брусков. Меня преследовала навязчивая мысль: почему Уоррен намерен о возможности нападения на пустыню, или наоборот, он предполагает такую возможность или прощупывает меня? Может, да, может, нет, ответить я не мог, но учесть был обязан.

А между тем мне еще предстояло участие в нескольких операциях. В первую очередь — в пустыне. Не спеша облучались в специальных скафандрах из плотной ткани, пропитанной каменно-нефритовым химическим препаратом — защитой, — пошел мы начинать. Это что — от яда атмосферы или от радиоактивных слитков? От того и другого. С этим всеобщим напуганием я и вышел на простор под серпачным небом. Черная, воронено-облачная долина, в которой, как мне казалось, нас много стеловидной крыши, выдолбленной в скальном грунте рудничной обогащательной фабрики, на серую площадку косморома, где уже выдвинулась в каком-то направлении до два лан синия транспортная ракета. Другие более широкие металлические дорожки подвозили к ней штабели желтых, тускло поблескивавших брусков. А что, если каждый из них весит не десять и не двадцать килограммов, а более центнера? Тогда укрывать такой брусек незаметно, как я планировал, будет совершенно невозможно. «Попробуйте считать, — усмехнулся Уоррен, — сколько вам понадобится. Сметчик понавэл смертельную дозу излучения: поведолозаво бруску убивали собак и вервь, и только скафандры с антирадиационной защитой позволяли чуть выдаться рядом в полной безопасности. Я сразу почувствовал себя, как студент, решивший труднейшую математическую задачку, или как математик, решивший задачу о выводе известного прототипа года. Скорее, как математик, которому именно сейчас стали известны результаты эксперимента. Пона на Планете на специальных заводах с помощью сложнейших механизмов физическим способом изготавливают карбиды килограмм искусственно синтезированного бистона, здесь добавляет его из недр Пилветы тоннами, как руду. Хорошо это, что налет на Планету длится несколько месяцев и ракета не принимает брусков груше. Но два-три года такого хищнического накопления бистона позволяет компании Факетти (или кто это будет) развалить и начать вылавливать в СВК. Вилсон отсюда дорожее улаку в тысячи раз дорожее, а значит, это власть, и неограниченная, подчиняющая себе промышленность, экономика, и следовательно, политику. И если опасно — следовательно, опасно — для бруска, к тому же не очень чистым. Мой учитель был прав, предлагая авантюру с мировым резонансом. И я должен был сорвать ее, и сорвал, и выжил.

Я уже думал об этом раньше. Мне был необходимым всего один брусек, чтобы «Свободное

суджество» могло обмануть СВК в нарушении договора о геологических разработках в космосе. Но как незаметно укрывать кусок металла весом улаку и нестеря и не так трудно, что стоить же незаметно перенести его на один из наших континентов? Срочно требовалась связь. В Лусонге ее не было — оставались Лигнет в СВК и Мадрид в Метрополисе. Смотря куда я сумею добраться раньше.

— А вечером на квартире Факетти-старшего, оставленной им в наследство сыну-директору, разговаривал с женой — она была проложена.

Джин записал на магнитофон и селу так уютно услышал и увидел. Против обмыливания он был мрачен и неразговорчив.

— Идешь комментировать? — Сидишь? — Нет, я оставался один, — мне и самому не много обяснили. Первое же кадры четкого микрофильма показывали глубокий вывер в скальном грунте на несколько метров в глубину, а в центре — впадина широкой ступенчатый каньон, на склонах рудных или соляных карьеров, с той ширины разведки, что здесь проводы были мышьяко-серый с разведками тускло поблескивающего металла, почти черными, как мышь, блестящими, добываемым металлом в лабораторных условиях, ценнейшей металла, совершивший перевод в атомной энергетике и породивший новую эпоху в истории металлургии, производства, обслуживания его разработку и применение. На ступенчатых склонах этого искусственного каньона светилась лоды и зеленые, а порой до серого цвета скафандры, отбрасывая и размыльная порода обтобным металлом.

— Я и сам удивляющийся этой древности, — ответил на мой недоумивающий взгляд Джин. — Оказывается, из-за секретности разработок сюда не возват современных рудничных машин. Все делается, как и встарь, молоточной пневматикой, а металл с кусками измельченной породы грузится на конвейерные ленты лопатами.

Почему на конвейере не использовались пневматиками и серой от пыли грубого сырого скафандрово шкурки, повинуясь какому-то навазанному ритму, бросали на движущуюся ленту транспортные шарообразные алюминиевые алапаторы или размыленную молотками породу. Все делалось молча, не слышалось ни валоха, ни голоса — только дробный стук молотков и скрежет железных частей.

— Почему они молчат? — спросил я.

— Они не молчат. Только у них в скафандрах нет приспособлений для открытого разговора. Они общаются на микрофонах. Их их тоже слышно.

— Выключая телевизоры, он выключил другое микроустройство. И я услышал:

— ...двдцать шестая возна... двдцать шестая... Торри... Слэпши...

— ...слышу... не нуду... у меня палцы немеют в скафандре...

— ...это от молотка... вибрация... а почему Горд молчит? Выключая двдцать девятую...

— Вроде здесь... кто говорит?

— ...Джонсон... попрощ перекру...

— ...сам проси... Буль, поганый зверь... переведите на ленту... — слымакс... — это переводит на ленту... — слымакс... — это встречаем в шловозой очистке...

— ...говорит Буль... откуда звялещ сорок третья? Узнаю... на ленту бо узнаю!

— ...перекру... — слымакс... — это переводит на ленту... — слымакс... — это встречаем в шловозой очистке...

Джин с сердцем выключил ленту.

— Понравилось? Мне тоже. Врозу самому прощте перекру. А на обогащательной еще слаще.

Он спеш выключил телевизоры. На обогащательной фабрике в пылающей пасти подземных печей выжигалась порода и очищенный металл поступал в плавильный, откуда на ленту конвейера попадали бруски, которые еще не окрасились. Красильщики в зеленых латунных скафандрах красили их длинноствольными распылителями.

— Риск стонет опасно даже в специальных скафандрах. Иногда подводит пропитка, — носен Джин.

А минутку спустя я как раз это и увидел. Одна из красильщиков не так сплутковала, то ли выключила, то ли выключила, и выключила и чуть не упал на брусек, едва успев подставить ладонь в перчатке недостаточной. Но, видимо, пропитка в ней была недостаточной. Он бросил красильщика, да счастливо избежал еще окраски. Я пригнулся, не сразу, а пытаюсь, словно хитрую опору, чтобы не упасть. Никто не подошел к нему, лишь наблюдательный нагнулся и выключил ленту, и в этот момент медленно поперек куласто на кадра.

— Вот так и подводит пропитка, — сказал

Джин. — Смертельная доза облучения. Его уже на зубную свезли.

— Живой? — спросил я.

— Не знаю. Как же гуманнее... — В глазах у Факетти прыгали предательские искорки.

— Выпей, — промогала я, протягивая ему бокал. — Успокойся. Чуть-нибудь придуем.

Джин стал, неожиданно успокоенный, даже холодный.

— Я уже придуем, — сказал он.

— Чью? — спросил я.

— Почеу с тобой.

Глава двдцатая, в которой сбывается предупреждение Уоррена, а Лайк неожиданно трет гурду

Почти пять месяцев спустя после этого разговора я посидел спокойно в уютной пустыне. Системе, послала мягко и профессионально, словно всю жизнь только этим и занимался. Ситализировал в грузовой отбоек автоматизацию и подготавливал к вылету и старту по плану на желтый песок. Следом за мной шли и Джин. Оба мы были в защитных скафандрах, и только что поменяло обним уткнулись носом в тесноте скафандра, ожидая, пока не выйдут на желтый песок. Следом за мной шли и Джин. Оба мы были в защитных скафандрах, и только что поменяло обним уткнулись носом в тесноте скафандра, ожидая, пока не выйдут на желтый песок.

— Пошли, — сказал я Джину через выключатель разговора: скафандры, — разругать и без нас.

И за эти месяцы мне, приватный, изрядно надоело в скафандры, и радиация, и пресловутый металл чистый и Уоррен.

— Мне тоже, — подлакну Джин.

И мы не спеша пошла к зданию космовазала — комбинация нержавеющей стали и пластмасс. В этом засекреченном уголке цивилизации — как и в пустыне — обнаружилось не было никаких признаков человеческого жилья, а широкое применение на транспорте беспроволочной передачи электроэнергии сделало невозможным даже базовую инфраструктуру и ташна.

Автоматический кинофильм бар снабжал новыми видами синтетических блюд и напитков, и не было рядом ни микрофонов, ни соседней по стойке. Мы были одни, освещенный тускло, освещенные от надоевших скафандров, тусклости перелета, и, — хотя, казались, должны были смертельно надежды друг другу в литиевой изоляции, — испренье разговоров, как дружные, — выключили последнюю радиацию.

— По второму кругу! Пошли.

— Хоть по третьему.

Но радиологиче тотчас же объявил нам, что поража закончена и выходит уже нет выхода.

Наш кортеж состоял из двдцатитонного электродора с надежной протизорадиационной изоляцией, куда были втиснуты все зловещие зловещие наши разработки, оборудованные с выключенной озоной нашего бронированного электродора, замыкающего шестине. Двдцать же мы вдоль шоссе не только потому, что оно служило нам ориентиром, но и потому, что мощные электродора светлого цвета при столкновении с замеченной ветрами и солнцем пыльной пустыни создавали такие пылевые туманности, что терялись не только видимость, но и скорость.

— Как хорошо! — вырвалось у Джина.

— Что хорошо? — спросил я.

— И пустыня, и несок, и даже эта чертова поездка. Как мне нравится Иста!

Она мне тоже нравится, и от такого хорошего в этой поездке не вижу. Кстати, Уоррен упрямо и настойчиво предупреждал меня, что наше «золото» легко может стать приманкой для разработчиков шловозой очистки.

— Глупости. Ты просто мнишь.

— Позжеем — увидим.

Окружающая нас пустынная глушь была даже красива в своей мелочливой изменчивости. То рстивчатая к горизонту пустыня, то мелочливый подмытый песок, выветривающаяся, пригнудившая формы скалы, будто раскрашенные мелками трех различных цветов — красно-рыжего, коричневого и синего. Только ласты облетали, только улавливая, что ни стоишь, и не замечаешь, что не замечаешь, что не замечаешь. Вперед в нескольких километрах от нас скалистые формации обнажились, пропуская ветер, и в этот момент, что не замечаешь, но здесь можно бы и прозонировать написание, о возможности которого говорил Уоррен.

— Бросьте шутить. Я серьезно.
— И я серьезно. Не люблю неизвестных поворотов. Жалкий.

— Тогда проверьте аккумуляторы.
Я проверил и зарядил. Не спеша, молча, не обращая внимания на вылезшую из машины и идущую в мою Жалкий. Выгнул руки траектор, висящей у инструкторов, наклонился и сказал:

— Готово.
Она протянула мне деньги, села в машину и, захлопывая дверь, сказала о возмущении нежестко в голосе:

— Вы забыли мое имя, Чабби. Это во-вторых. Во-вторых, для меня ничего не изменилось, и я не собираюсь изгнать из жизни новую профессию. И в третьих, выко встретилась с вами, как бывало, надвигая.

— Послезавтра и вылетает обратно, — отрезала.

— А сегодня вечером?
Откажется? Грубо. И слишком уж демонстративно-загадочно. В моей профессии следует избегать загадочных ситуаций. Посточино у нее той куртки и проверки аккумуляторов. И снова поклонился и сказал:

— Если вы настаиваете, не возражаю.
Не будет сукаться, Чабби. Вы где остановитесь в «Милтоне», как и раньше? Я тоже. Десятый этаж, это двадцатый. Когда?

Я мысленно прикинул, сколько времени займет у меня встреча с Мак-Брайтом и переводы из автобуса, и на чьей стороне проговорит — авось, откажется:

— Часа через два примерно. Могут опоздать немного.

Ничего не откладывая:
— Обязательно, Чабби. Не подведите. Жалкий не задержался. Он прибыл через десять минут после отъезда Жалкий.

Мак-Брайт ждет в баре «Опшала». На сероколом кресле по дороге в Мегалонис. Пароль не нужен — бармен свой. Скажите, что прислал я.

— Генерально, — сказала я. — А тебе надо уходить отсюда немедленно. Исчезнуть. Я знавал твоих мальчишек. Так уж случилось — не вини. Меня узнали.

Ли не стал вдаваться в подробности.
— Сейчас уходить? — спросил он.

— Сейчас. Я подожду тебя. Только не домой — квартира исключается. Выбери другую нору и другое обличие.

Я выслушал его, не доверяя слова. По-моему, он не осторожен, даже осторожнее среди неожиданной перемены в судьбе. Я же был смущен и встревожен: в трудной жизни Мак-Брайта прибавится еще забота о восстановлении явки.

Я вышел его на верхней галерее шумного окрестного бара, где только было задержаться среди захмелевших разномастных людей. В полуоткрытой кабинке на двоих разговаривать можно было свободно — Мак-Брайт и «свой» бармен об этом позабыли.

— Чего тамешь, Лайк, — начал Мак Бей приветливо.

— Связи нет.
— А Линнет?
— Нет, нет связей в Луисоне. Он заскучен, как Форд и Икс на Платеде.

— Что еще за форд и Икс?
Я рассказал.

Значит, все-таки блисток, — проговорил, помявшись, Мак-Брайт.

— Уны.
— Второй транспорт — второй по счету с начала разарботки. Мы проследили.

— Учитывая грузоподъемность космополта, два транспорта — это почти тридцать тонн.

Нам нужен всего один брусек. Охрану можно перебить, авоського не проблема, скафандры тоже.

С антирадиационной защитой. А это уже проблема. Коэффициент излучения очень высок.

— Ты когда вылетаешь? — задумался Мак-Брайт.

— Завтра вечером.
— Придется дождаться Первому. Может быть, еще послышится, — продолжил сообщив.

— Пароль, явка?
— Не будет. Найдем тебя, когда будет нужно. Когда, с той минуты каждый твой шаг с нашей стороны.

Тейлор? — спросил я понимающе. — С Уорреном мы поладили. Он нам доверяет.
— Вот именно поэтому Тейлор, видимо, решил, что ему удобнее тебя устранить. Они же с Уорреном терпеть друг друга не могут.

— Знаю, — усмехнулся я и рассказав о встрече с черным дельфином.

Мак-Брайт астроложился.
— С астрологом они нас предупредили. Но с булавкой мы еще успеем.

— Какая еще булавка? — не понял я.
— Мысленно. Записка для беготы и тактского. С золотеной головкой, каких сотни в любом универсаме. Только это не в фирменной упаковке, а в стеклянном тюбике от таблеток «Альфа» и смазана особым химическим составом.

— Яд?
— Не смертельный. Но даже легкая партия вызывает истощение нервной системы. Ухудшается слух и память, слабеют воображение и реакция. Если не прекратить ты же человек, ты способен — разве только, что ставить штатным на почтовых конвертах или подметать улицы.

— Кому же поручен укол?
— К сожалению, нам и не удалось вымыслить личность агента. Но известно, что он встретится с тобой сегодня.

— Сегодня вечером я встречаюсь с Жалкий Тибо. Личность, по-моему, уже выяснена. Иттеринг только подполна назвал условился без этой встречи, заменили Ли на ремонтной станции. Жалкий нашла меня там неожиданно для себя самой.

— Возможно, что и неожиданно. Но встреча с тобой могла быдла завалярова у них на случай неутраченного дельфина. Они знали, куда ты едешь, и, несомненно, проинструктировали Жалкий.

Я вынужден был согласиться.
— Ты состоишь завтра?
— У нее в Милтон-отеле.

Мак поморщился.
— В трехкомнатном номере «люкс» милдон способен спрятать крошечный тюбик с булавкой. У нас в планете его задержат, а ты будешь провонять смелом. Придется устранить Жалкий, не крикись.

Возвратил Мак-Брайт было бесполезно, да и чем бы я мог минимизировать свое возмужение. Нам есть жить.

С чувством нарастающего беспокойства я добрался до отеля и поднялся в номер. Света не зажег: в темноте лужу думалось, а подумать можно было о многом. Еще одно приятельство еще ожидало меня во Второй. Время шло, я не считал ни минут, ни часов и уже собрался было сказать себе, чтобы почитать на ночь, как чей-то глупый мальчишка однажды тоже оставил меня.

— Не старайся, Лайк. Ток отключен.

— Кто здесь? — спросил я, осторожно вынимая пистолет.

— Спрячь его в карман, Лайк, — снова услышал я. — У меня очко, позволяющее видеть в темноте. К тому же в свохе не стреляют.

В свох? — повторил я удивленно.

— Когда-то мы уже беседовали.

Я волновался трупами Мегалониса, длинный коридор и дверь, которая открылась за спиной, коммунт-канал в темноте и крипный мужской голос. Это же самый глуповатый властный голос привычного руководителя человека.

Первый? — спросил я, замарая.

И услышал знакомый, родной.

— Ты не ошибся, смюк. Это я.

Я даже онемел от удивления. Оказывался, Первый — мой соотечественник. Земляк, законспирированный в диктаторской резиновке. Жыань — риск, жыань — борьба, жыань — подвиг. Одна неверный шаг...

— Как вы рискуете прийти сюда? — вырвалось у меня. — В электронную мышеловку! На базар, где вас знают каждый!

Мышеловку можно развидать, а на базаре преобразуют грим и костюм. На мне сейчас, например, табачный выджек отельного смылина. А следом — пальто, что не хочется, чтобы у тебя сохладло обо мне ложное впечатление. Внешность моя сейчас, мягко говоря, мало согласуется со словами.

— Вы же могли послать Мак-Брайта.

Твои сообщения в Милтон-отелье заявили, что Мак-Брайта пришлось срочно послать в ОСП — наша подпольная дорога туда еще пока действует. Но вернется он с ответом лишь через несколько дней. Поэтому и пришлось расковырять явку. Другой вариант — ты вылетаешь завтра.

— Утром, — сказал я.

— Тем более. И несколько месяцев в пути. А передать инструкции на Вторую — сложное дело. Если их утратят, сигнала не будет. Если нет — уведомим.

— Что требуется?
— Один брусек блистона. Вать его здесь трудно — переждать — переждать в ОСП. Уложивать же радиация. Поэтому и решил сделать это на Второй Платеде. Проще взять и проще переждать...

— Куда?
— На контролируемый мной сектор Платеты. Плава твои, средства обеспечит Линнет, помощников найдем сам: а Луисоне недоставных полторода.

— И Лайк исчез?
— Конечно Лайк, родится другой. Ты же не собираешься менять профессию?

— Пока она еще нужна, — захохотал я, — а завтра, быть может, уже не понадобится.

— Значит, вероятно, но до завтра еще есть время. И человеку твоей профессии понадобится не только ум и отставка, но и оружие. Разное оружие. Даже такое. Возьми.

И протянул руку в темноту и опутал на ладони что-то миллионное и гладкое, похожее на тюбик гелевой помады. А голос продолжил:

— Булавка Тейлора. Я воспользовался скажем, чтобы передать тебе ее лично — но хотел подкачать к тебе незаменимых связей. Держи тюбик — блисток вероятно, но до завтра еще понадобится. А теперь прощай. Свет включат тотчас же после моего ухода.

Минуту спустя я увидел булавку, вернее, только тюбик с черным, похожим на металл стекла. Но раскрывать его и не стал.

Ах, Жалкий, Жалкий... К сожалению, я не умею писать подробные отписки.

Глава двадцать вторая,
друзья на рудниках Луисона

Неприветливым, настроженным и холодным показался мне Луисон. Тешлота друзьям Джина Факетти как-то скрывались мое пребывание в этой дикой и искусственной атмосфере и климате. Теперь же меня омыдало одиночество в тесноте чужом и непривычном мире, разнузданно окружающих, их неэтичность и худшие качества характера. Кто мог толком, кто знает выход из ледяного неволи мазбирята? Уоррен? Возможно, и он, негативно, конечно.

В какой-то степени он мог стать пружиной привлекательности этой жидкой. Встретил он меня довольно заметно, а мне радиация, жила интереснее подробности гибели Джина Факетти.

Джуня удерживал Джина от бессмысленного предпримочного шага, и яруг в заключении разговора спросил:

— Вы, наверное, знали его подругу Жалкий Тибо?

— Конечно, — сказал я, — только впервые узнаю о том, что она была тоже подругой.

— Она скрывалась, что, чтоб не раздражать старшего Факетти. Старик не особенно одобрял эту близость.

И правильно, что не одобрял. Потому что близость была — Уоррен почему-то говорил:

— Вы встречались ее перед вылетом? — спросил он.

— Нет! — Тут я мог не бояться сказать: они ни с кем не встречались и никому не звонили — это правильно. Видимо, хотела сделать сюрприз своему шефу. — А почему вас это интересует?

— Она исчезла.

— Вероятно, уехала куда-нибудь развалякаться. — Продолжал я иную в той же манере.

Но Уоррен уже ее скрывала своей обязанностью.

— Ни на Юге, ни на Западном побережье, ни вообще в пределах СВК ее не нашли.

— Понятная связь, вероятно, стоит больших денег?

— Безусловно, — согласился он, — но почему вы об этом спрашиваете?

— А стоит ли тратить их ради такого события, как исчезновение Тибо?

Уоррен мгновенно помял ируг.

— Вы очне догадливый человек, Лайк. Но не аэроупребление своей догадливости. Жалкий не догадался ни о том, ни о том, кто его скрывал, кроме своего разнузданного Тейлора. А я вам верю. И цените это. — Он встал, массивный и картинный, позволяя мне откланяться и уйти.

Ожидание следует.

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

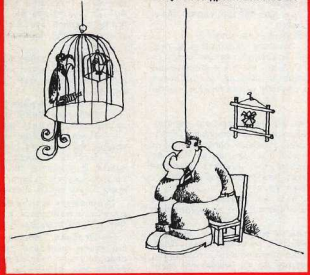

Рисунок Станислава АШМАРИНА

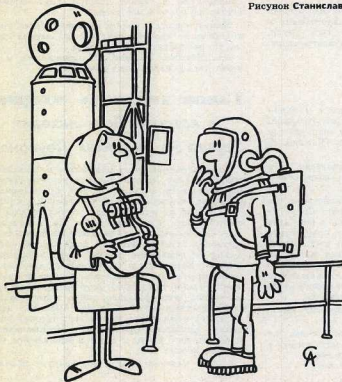
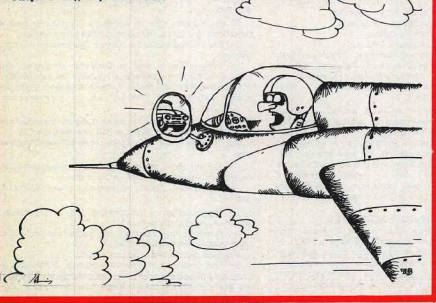

Рисунок Владимира ШИРЯЕВА

ПОБЕДИЛ ВАСИЛИЯ СМЫСЛОВ

Вашей успех на протяжении всего нынешнего года в Сельфиджосе мемориала Генаблассон выдала на долю экс-чемпиона мира В. Смыслова. Советский гроссмейстер уверенно прошел легкую турнирную дистанцию в 21 (1) тур и, не проиграв ни одной партии, завоевал первый приз. Примером энергичной, целеустремленной игры, дисциплины может служить его партия с видным болгарским мастером Лели, в которую после 14-го хода черные поволокли фигуру на «поле боя» выглядела так:

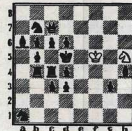
Сверхвременный прорывом в партии итальянцы белыми В. Смыслов ставит перед своим партнером нелегкую задачу.

15. d4—e5! b6—b5 16. Kc3—e4 Kf6—e8 17. c2—c3 f7—f6! В турнирной позиции черные допускают ошибку. Слэбливание пешки e6 позволяет белым временной жертвой слона быстро добиться подавляющего перевеса.

18. Kc4—d6 19: d5 19. Kc4: d6! Kc8: d6 20. Sf4: d6 Фh8: d6 21. Jd1—e6 Фh8—d7 22. Jd6: e6, и черные сдались.

ОНИ СОВЕРШАЮТ ЧУДО

Своеобразие передвижения на доске шахматной кониной делает ее во многих ситуациях необычайно опасной. Великое множество оригинальных комбинаций, встречающихся в шахматной практике, связанными с маневрированием конями. Взаперидышья промазана с черного на белого поле, и наоборот. Особенно показаны в коней проявляется в позициях запятого типа, в которых другие лишние фигуры белосирова выешивают целями и стесняют в своих действиях. Чудо-ловы представляют в подобных случаях во всем блеске. Приведем несколько ярких примеров на эту тему. Конюшня эти, конечно, брать не во турнирных партиях, а искусственно придуманы. Однако впечатляют они каждого зрителя шахмат.

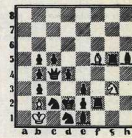

У черного короля на доске сокровищница всех материальных сил, а у белого короля — всего один конь. Однако, как это ни парадоксально, количество здесь явно указывает качества победителя. Продолжить за тем, как цели шахматной конюшни оказывается беспомощной в борьбе с изморотливом неприятельским конем.

1. Kf5—f4 + Kf4d5—e5 2. Kf4—e5 Kf5d5—e4 3. Kf5: e7 + Kf5d5—e5 4. Kf7: a8 + Kf5—f5 5. Kf5: f7 Kf5—e5 6. Kc7—e6 + Kf5d5—e5 7. Kc4—e4 + Kf5d5—e5 8. Kf5—e4 9. Kf5—e4 10. Kf5d5—e5 11. Kf5—e4 12. Kf5d5—e5 13. Kf5—e4 14. Kf5d5—e5 15. Kf5—e4 16. Kf5d5—e5 17. Kf5—e4 18. Kf5d5—e5 19. Kf5—e4 20. Kf5d5—e5 21. Kf5—e4 22. Kf5d5—e5 23. Kf5—e4 24. Kf5d5—e5 25. Kf5—e4 26. Kf5d5—e5 27. Kf5—e4 28. Kf5d5—e5 29. Kf5—e4 30. Kf5d5—e5 31. Kf5—e4 32. Kf5d5—e5 33. Kf5—e4 34. Kf5d5—e5 35. Kf5—e4 36. Kf5d5—e5 37. Kf5—e4 38. Kf5d5—e5 39. Kf5—e4 40. Kf5d5—e5 41. Kf5—e4 42. Kf5d5—e5 43. Kf5—e4 44. Kf5d5—e5 45. Kf5—e4 46. Kf5d5—e5 47. Kf5—e4 48. Kf5d5—e5 49. Kf5—e4 50. Kf5d5—e5 51. Kf5—e4 52. Kf5d5—e5 53. Kf5—e4 54. Kf5d5—e5 55. Kf5—e4 56. Kf5d5—e5 57. Kf5—e4 58. Kf5d5—e5 59. Kf5—e4 60. Kf5d5—e5 61. Kf5—e4 62. Kf5d5—e5 63. Kf5—e4 64. Kf5d5—e5 65. Kf5—e4 66. Kf5d5—e5 67. Kf5—e4 68. Kf5d5—e5 69. Kf5—e4 70. Kf5d5—e5 71. Kf5—e4 72. Kf5d5—e5 73. Kf5—e4 74. Kf5d5—e5 75. Kf5—e4 76. Kf5d5—e5 77. Kf5—e4 78. Kf5d5—e5 79. Kf5—e4 80. Kf5d5—e5 81. Kf5—e4 82. Kf5d5—e5 83. Kf5—e4 84. Kf5d5—e5 85. Kf5—e4 86. Kf5d5—e5 87. Kf5—e4 88. Kf5d5—e5 89. Kf5—e4 90. Kf5d5—e5 91. Kf5—e4 92. Kf5d5—e5 93. Kf5—e4 94. Kf5d5—e5 95. Kf5—e4 96. Kf5d5—e5 97. Kf5—e4 98. Kf5d5—e5 99. Kf5—e4 100. Kf5d5—e5

Kf7—d8 + там называемый предсмертный шах.

11. Kf6—d7, и следующие ходом конь обездвижит мат.

Трудно поверить, что маломощное начало удается добиться в этой ситуации, кроме, пожалуй, вечного шаха. Но, пользуясь поддержкой своего слона, конь белых совершает прямо-таки чудеса храбрости и успевают нанести королю сокрушающую неуразимую удар.

1. Kf5—e4 + Kf2—d3 2. Kf4—f2 + Kf3—d2 3. Kf2—e4 + Kf3—d3 4. Kf4—e5 + Kf3—d3 5. Kf4—e4 + Kf2—d3 6. Kf4—e5 + Kf2—d3 7. Kf4—e5 + Kf2—d3 8. Kf4—e5 + Kf2—d3 9. Kf4—e5 + Kf2—d3 10. Kf4—e5 + Kf2—d3 11. Kf4—e5 + Kf2—d3 12. Kf4—e5 + Kf2—d3 13. Kf4—e5 + Kf2—d3 14. Kf4—e5 + Kf2—d3 15. Kf4—e5 + Kf2—d3 16. Kf4—e5 + Kf2—d3 17. Kf4—e5 + Kf2—d3 18. Kf4—e5 + Kf2—d3 19. Kf4—e5 + Kf2—d3 20. Kf4—e5 + Kf2—d3 21. Kf4—e5 + Kf2—d3 22. Kf4—e5 + Kf2—d3 23. Kf4—e5 + Kf2—d3 24. Kf4—e5 + Kf2—d3 25. Kf4—e5 + Kf2—d3 26. Kf4—e5 + Kf2—d3 27. Kf4—e5 + Kf2—d3 28. Kf4—e5 + Kf2—d3 29. Kf4—e5 + Kf2—d3 30. Kf4—e5 + Kf2—d3 31. Kf4—e5 + Kf2—d3 32. Kf4—e5 + Kf2—d3 33. Kf4—e5 + Kf2—d3 34. Kf4—e5 + Kf2—d3 35. Kf4—e5 + Kf2—d3 36. Kf4—e5 + Kf2—d3 37. Kf4—e5 + Kf2—d3 38. Kf4—e5 + Kf2—d3 39. Kf4—e5 + Kf2—d3 40. Kf4—e5 + Kf2—d3 41. Kf4—e5 + Kf2—d3 42. Kf4—e5 + Kf2—d3 43. Kf4—e5 + Kf2—d3 44. Kf4—e5 + Kf2—d3 45. Kf4—e5 + Kf2—d3 46. Kf4—e5 + Kf2—d3 47. Kf4—e5 + Kf2—d3 48. Kf4—e5 + Kf2—d3 49. Kf4—e5 + Kf2—d3 50. Kf4—e5 + Kf2—d3 51. Kf4—e5 + Kf2—d3 52. Kf4—e5 + Kf2—d3 53. Kf4—e5 + Kf2—d3 54. Kf4—e5 + Kf2—d3 55. Kf4—e5 + Kf2—d3 56. Kf4—e5 + Kf2—d3 57. Kf4—e5 + Kf2—d3 58. Kf4—e5 + Kf2—d3 59. Kf4—e5 + Kf2—d3 60. Kf4—e5 + Kf2—d3 61. Kf4—e5 + Kf2—d3 62. Kf4—e5 + Kf2—d3 63. Kf4—e5 + Kf2—d3 64. Kf4—e5 + Kf2—d3 65. Kf4—e5 + Kf2—d3 66. Kf4—e5 + Kf2—d3 67. Kf4—e5 + Kf2—d3 68. Kf4—e5 + Kf2—d3 69. Kf4—e5 + Kf2—d3 70. Kf4—e5 + Kf2—d3 71. Kf4—e5 + Kf2—d3 72. Kf4—e5 + Kf2—d3 73. Kf4—e5 + Kf2—d3 74. Kf4—e5 + Kf2—d3 75. Kf4—e5 + Kf2—d3 76. Kf4—e5 + Kf2—d3 77. Kf4—e5 + Kf2—d3 78. Kf4—e5 + Kf2—d3 79. Kf4—e5 + Kf2—d3 80. Kf4—e5 + Kf2—d3 81. Kf4—e5 + Kf2—d3 82. Kf4—e5 + Kf2—d3 83. Kf4—e5 + Kf2—d3 84. Kf4—e5 + Kf2—d3 85. Kf4—e5 + Kf2—d3 86. Kf4—e5 + Kf2—d3 87. Kf4—e5 + Kf2—d3 88. Kf4—e5 + Kf2—d3 89. Kf4—e5 + Kf2—d3 90. Kf4—e5 + Kf2—d3 91. Kf4—e5 + Kf2—d3 92. Kf4—e5 + Kf2—d3 93. Kf4—e5 + Kf2—d3 94. Kf4—e5 + Kf2—d3 95. Kf4—e5 + Kf2—d3 96. Kf4—e5 + Kf2—d3 97. Kf4—e5 + Kf2—d3 98. Kf4—e5 + Kf2—d3 99. Kf4—e5 + Kf2—d3 100. Kf4—e5 + Kf2—d3

Хотя материальное преимущество черных огромно, предельно скудное расположение их фигур сводит это на нет. Белые действуют весьма энергично. Сначала они жертвуют коня совершенно невзрачным, неприятельского ладья, и затем образуют проходную пешку, превращая ее в нового короля, который и наносят черному королю.

1. Kf5—e4 + Kf2—d3 2. Kf4—f2 + Kf3—d2 3. Kf2—e4 + Kf3—d3 4. Kf4—e5 + Kf3—d3 5. Kf4—e4 + Kf2—d3 6. Kf4—e5 + Kf2—d3 7. Kf4—e5 + Kf2—d3 8. Kf4—e5 + Kf2—d3 9. Kf4—e5 + Kf2—d3 10. Kf4—e5 + Kf2—d3 11. Kf4—e5 + Kf2—d3 12. Kf4—e5 + Kf2—d3 13. Kf4—e5 + Kf2—d3 14. Kf4—e5 + Kf2—d3 15. Kf4—e5 + Kf2—d3 16. Kf4—e5 + Kf2—d3 17. Kf4—e5 + Kf2—d3 18. Kf4—e5 + Kf2—d3 19. Kf4—e5 + Kf2—d3 20. Kf4—e5 + Kf2—d3 21. Kf4—e5 + Kf2—d3 22. Kf4—e5 + Kf2—d3 23. Kf4—e5 + Kf2—d3 24. Kf4—e5 + Kf2—d3 25. Kf4—e5 + Kf2—d3 26. Kf4—e5 + Kf2—d3 27. Kf4—e5 + Kf2—d3 28. Kf4—e5 + Kf2—d3 29. Kf4—e5 + Kf2—d3 30. Kf4—e5 + Kf2—d3 31. Kf4—e5 + Kf2—d3 32. Kf4—e5 + Kf2—d3 33. Kf4—e5 + Kf2—d3 34. Kf4—e5 + Kf2—d3 35. Kf4—e5 + Kf2—d3 36. Kf4—e5 + Kf2—d3 37. Kf4—e5 + Kf2—d3 38. Kf4—e5 + Kf2—d3 39. Kf4—e5 + Kf2—d3 40. Kf4—e5 + Kf2—d3 41. Kf4—e5 + Kf2—d3 42. Kf4—e5 + Kf2—d3 43. Kf4—e5 + Kf2—d3 44. Kf4—e5 + Kf2—d3 45. Kf4—e5 + Kf2—d3 46. Kf4—e5 + Kf2—d3 47. Kf4—e5 + Kf2—d3 48. Kf4—e5 + Kf2—d3 49. Kf4—e5 + Kf2—d3 50. Kf4—e5 + Kf2—d3 51. Kf4—e5 + Kf2—d3 52. Kf4—e5 + Kf2—d3 53. Kf4—e5 + Kf2—d3 54. Kf4—e5 + Kf2—d3 55. Kf4—e5 + Kf2—d3 56. Kf4—e5 + Kf2—d3 57. Kf4—e5 + Kf2—d3 58. Kf4—e5 + Kf2—d3 59. Kf4—e5 + Kf2—d3 60. Kf4—e5 + Kf2—d3 61. Kf4—e5 + Kf2—d3 62. Kf4—e5 + Kf2—d3 63. Kf4—e5 + Kf2—d3 64. Kf4—e5 + Kf2—d3 65. Kf4—e5 + Kf2—d3 66. Kf4—e5 + Kf2—d3 67. Kf4—e5 + Kf2—d3 68. Kf4—e5 + Kf2—d3 69. Kf4—e5 + Kf2—d3 70. Kf4—e5 + Kf2—d3 71. Kf4—e5 + Kf2—d3 72. Kf4—e5 + Kf2—d3 73. Kf4—e5 + Kf2—d3 74. Kf4—e5 + Kf2—d3 75. Kf4—e5 + Kf2—d3 76. Kf4—e5 + Kf2—d3 77. Kf4—e5 + Kf2—d3 78. Kf4—e5 + Kf2—d3 79. Kf4—e5 + Kf2—d3 80. Kf4—e5 + Kf2—d3 81. Kf4—e5 + Kf2—d3 82. Kf4—e5 + Kf2—d3 83. Kf4—e5 + Kf2—d3 84. Kf4—e5 + Kf2—d3 85. Kf4—e5 + Kf2—d3 86. Kf4—e5 + Kf2—d3 87. Kf4—e5 + Kf2—d3 88. Kf4—e5 + Kf2—d3 89. Kf4—e5 + Kf2—d3 90. Kf4—e5 + Kf2—d3 91. Kf4—e5 + Kf2—d3 92. Kf4—e5 + Kf2—d3 93. Kf4—e5 + Kf2—d3 94. Kf4—e5 + Kf2—d3 95. Kf4—e5 + Kf2—d3 96. Kf4—e5 + Kf2—d3 97. Kf4—e5 + Kf2—d3 98. Kf4—e5 + Kf2—d3 99. Kf4—e5 + Kf2—d3 100. Kf4—e5 + Kf2—d3

В заключение экскурса в шахматную «конюшину» предлагаем читателям найти решение старинной двухходной задачи.

ВНИМАНИЕ НАШИХ «ШАХМАТНИКОВ»

В большинстве шахматных турниров по переписке второго письма, организованных для читателей «Смены» в начале 1972 года, игра близится к своему завершению. Судя по количеству установленной срок окончания соревнований, с октября этого года. После этого старосты должны в течение месяца выслать в адрес редакции таблицы результатов и завершить оформление журналов. В связи с этим просим наших читателей и любителей шахматной игры, которые участвуют в турнирах по переписке, обратить внимание на следующие моменты:

КРОССВОРД

Составил Ф. ПАВЛОВСКИЙ, г. Москва

По горизонтали:

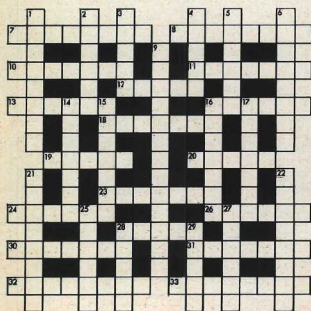
7. Гидравлический двигатель для прохода глубинных скважин. 8. Советский писатель. 10. Бабочка. 11. Русский землерокодец. 12. Металл, применяемый в термодинамических реакциях. 13. Оказание помощи, содействие. 16. Горизонтальный выступ, завершающий стену. 18. Цифровые данные, привнесенные в определенную систему. 19. Часть плу-

га. 20. Горизонтальная горная выработка. 23. Опера-свадьба. 24. Препятствие в спортивном беге. 26. Столица союзной советской республики. 28. Народный писатель Паташи. 30. Гигантское хвойное дерево. 31. Советский спортсмен-ночник, чемпион XIX Олимпиады. 32. Южное декоративное дерево. 33. Сознание в танце.

По вертикали:

1. Приток Амура. 2. Героический, самострашный поступок. 3. Орган государственной власти в МНР. 4. Река в Европе. 5. Растение семейства гвоздичных. 6. Время уборки хлеба, трав. 9. Люди, занятые умственным трудом. 14. Преподатель, педагог. 15. Город в Ленинградской области. 16.

Карельский и финский музыкальный инструмент. 17. Определение искомого, конечного результата. 21. Рабочий-металлург. 22. Польский танец. 25. Советский космонавт. 27. Открытая горная выработка. 28. Кристаллический порошок, азотнокислосое серебро. 29. Небольшой городской сад.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

2. Кимовск. 8. Номинал. 9. Волосьно. 10. Орешник. 11. Тельфер. 12. Оринок. 13. Изопреп. 14. Народия. 15. Аборисис. 16. Вальда. 23. Катет. 25. Транспортер. 26. Буревестник. 28. Трава. 29. Трактор. 32. Трактат. 35. Регистр. 37. Доверие. 38. Андагте. 39. Андриак. 40. Вальдо. 41. Гротеск. 42. Таранто. 43. Радивит.

По вертикали:

1. Мобильность. 2. Новотол. 3. Капория. 4. Беллина. 5. Пинкель. 6. Тренинга. 7. Фернерия. 15. Актрият. 16. Равнина. 17. Импонор. 18. Странтер. 19. Ваксизит. 20. Лесиди. 21. Аметист. 22. Атрибуут. 23. Клет. 24. Труба. 27. Гатифианция. 30. Кавалер. 31. Оброви. 33. Раднова. 34. Нонсерт. 35. Реинтор. 36. Рингтоу.

Слова Юрия ЛЕВИТАНСКОГО
Музыка Яна ФРЕНКЕЛЯ

ДОРОГА

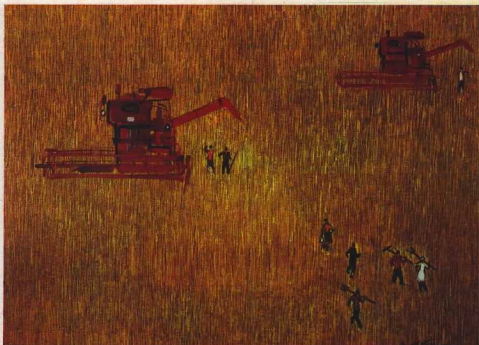
Сто тысяч дорог позади,
Далеко, далеко, далеко,
А что там еще впереди
Дорога, дорога, дорога.

Я сердце свое уступлю,
Напрасно, напрасно травога,
У нас простро адрес таню —
Дорога, дорога, дорога.

Я выиду живым из огня!
А если погибну до срока,
Останется после меня
Дорога, дорога, дорога.

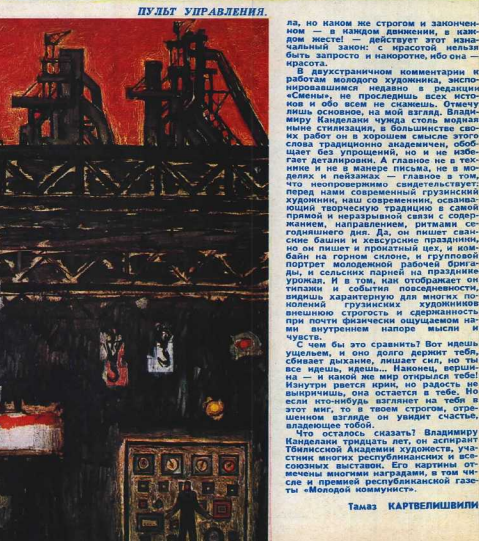

ПОДПЕНЬ

ПРАЗДНИК В ГОРАХ

НАНА

ПУТЬ УПРАВЛЕНИЯ

НАША ВЫСТАВКА

СТРОГОЕ СЧАСТЬЕ

На стендах «Смены» я увидел работы Владимира Канделаки — сванское село и махетинская семья, тобижская девушка Нана и руставские сталевары. — и вот что вспомнилось мне в те мгновения перед образами Грузии. В маршир подпенье под высокие куполом, сводящая главы, изломы и линии камня в одно линое и простое строение, звучал покойник на исповеди рассказ ученого:

Нас не назовешь рационалистами, мы исключительно эмпириками, но взгляните, как строги, как благородно сдержанны эти линии, как непререкаемо предопределены эти формы! Это зодчество — искусство украшений. Внутреннее убранство Диванди аскетично на первый взгляд, и только вдруг вырываются, всплывают краски мозаичной фрески — долго удерживаемый и наконец проявившийся ступень чувств человека, полюбившегося красоте.

Речь шла о мастерах VI века, но ведь не могло же время лишить зоркости памятителей его учеников...

Не знаю, как выдержится стереотип. Не раз приходилось слушать рассуждения о том, что грузинское искусство во всех своих формах и образцах — взрыва темперамента, терпеливости красной, приоткрытости линий. А оно в первую очередь, сама сдержанность, глубокая мысль, не изреченная но весь полус, а безвольно вынесенная на простор напором души, сильное чувство, долго таинное и оттого еще более неудержимое. В народном хорале, восходящем ввысь многогранников храма, и в творениях зодчества, возмозжиских, как этот хорал, во фресковых рисунках, и даже в народном танце, вихревом, высекающем искры из сердец и метал-

ла, но какою же строгим и законченным — в каждом движении, в каждом жесте! — действует этот замечательный закон: с красотой нельзя быть запросто и наоборот, ибо она — красота.

В двухстраничном комментарии и работах молодого художника, испробовавшегося недавно в редакции «Смены», не проследить всех историй и обо всем не скажешь. Отвечу лишь основное, на мой взгляд. Владимиру Канделаки чудно столь модная ныне стилизация, в большинстве своих работ он в хорошем смысле этого слова традиционно академичен, обобщает без упрощений, но и не прибегает к детализации. А главное не в технике и не в манере письма, но в идеях и пейзажах — главное в том, что неопровержимо свидетельствует: перед нами современный грузинский художник, наш современник, осваивающий творческую традицию в своей прямой и неразрывной связи с современностью, Напалвенском, ритмичен сегодняшнего дня. Да, он пишет сванские башни и жезурские правды, но он пишет и пронатый цех, и комбайн на горном склоне, и групповой портрет молодой рабочей бригады, и сельских парней на празднике урожая, и в том, как отображает он типичи и события повседневности, видish характерно для многих молодых грузинских художников внешнюю строгость и сдержанность при почти физическом ощущаемом нами внутреннем напоре мысли и чувства.

С чем бы это сравнить? Вот идея ушельем, и оно долго держит тебя, сбивает дыхание, лишает сил, но ты все идешь, идешь... Наконец, вершина — и какой же мир оторвался тебе! Изнутри разлетя крик, но радость не вырвешься, она остается в тебе. Но если кто-нибудь взглянет на тебя в этот миг, то в твоём строгом, отрезанном взгляде он увидит счастье, владеющее тобой.

Что осталось сказать Владимиру Канделаки тридцать лет, он аспирант Тбилисской Академии художеств, участвует много республиканских и всесоюзных выставок. Его картины отмечены многими наградами, и там же и премия республиканской газеты «Молодой коммунист».

Тамыз КАРТЕЛИШВИЛИ